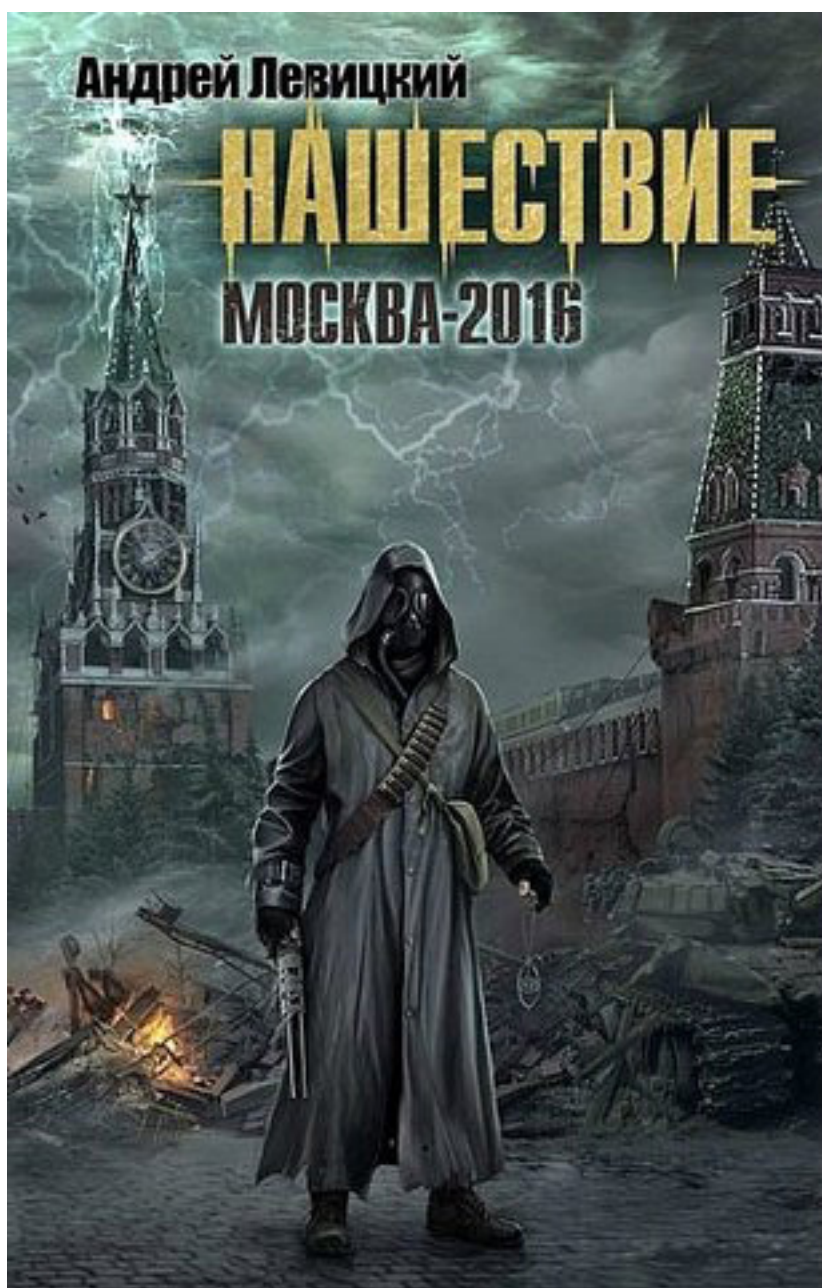

Андрей Левицкий

НАШЕСТВИЕ

МОСКВА-2016

Нашествие

Андрей Левицкий

Москва-2016

«Автор»

2011

Левицкий А. Ю.

Москва-2016 / А. Ю. Левицкий — «Автор»,
2011 — (Нашествие)

Кремль горит. Часы Спасской башни встали. Собор Василия Блаженного превратился в развалины, а Красную площадь топчут подошвы чужих сапог. Москва под колпаком. Но только ли она в опасности? А может, вся Россия? Или весь мир? Разрушенные кварталы, брошенные дома, отряды повстанцев и горожане, которые прячутся от вражеских патрулей, – вот что такое НАШЕСТВИЕ. Врага, подобного этому, не было еще в истории человечества!..

© Левицкий А. Ю., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	25
Глава 4	29
Глава 5	34
Часть II	39
Глава 6	39
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Андрей Левицкий

Нашествие. Москва-2016

Автор благодарит Александра Прохорова, Елену Балову, Алексея Смирнова, Андрея Русина, Сергея Антипенкова, Алексея Бобла, Глеба Острожского, Сергея Ковалева и Кирилла Куприна – эти люди стали настоящими соавторами «Нашествия», придумав много интересных сюжетных ходов и оказав другую труднооценимую помощь.

Часть I

Вторжение

Глава 1

Опоздать было бы катастрофой, и Кирилл все чаще глядел на часы. Надо бросать учебу, размышлял он, вот прямо сейчас встать и уйти из аудитории, и больше не возвращаться сюда. Ну зачем ему этот Экономический факультет? Только время зря теряет... Такая опасная операция, он столько готовится – и теперь сидит здесь, нервничает и ждет, когда же их отпустят.

Откинувшись на неудобную спинку, Кир вздохнул, и соседка, крашеная брюнетка Ангела в розовой кофточке и юбке длиной сантиметров этак пять-семь, покосилась на него.

С презрением, надо сказать, покосилась. Оно и понятно – Кирилл обычно таскал растянутые футболки или свитера, линялые джинсы и старые кеды. Не стригся месяцами, отчего перепутанные патлы свисали до плеч. Нам, настоящим мужикам, на моду плевать! Хотя для «настоящего мужика» у него были слишком тонкие черты лица, слишком острый подбородок, слишком средний рост и, будем смотреть правде в глаза, а не в какое-нибудь другое место – не

слишком крупные мускулы. Он был худым, гибким – из тех людей, кто не отличаются твердостью костяка, зато могут гнуться, как лоза, и не ломаться под ударами судьбы. У Кирилла Мерсера был прямой нос, черные волосы, быстрые плавные движения и раскосые, слегка «японские» глаза неопределенного цвета. Не то зеленые, не то карие, они менялись в зависимости от освещения. За японца Кира не принимали, но все же было в его внешности нечто едва уловимо азиатское.

– Чего сочишь? – бросила Анжела. – Не мешай слушать.

Кирилл промолчал. Слушает она там кого-то... На самом деле отношение к нему Анжелы было вызвано не старыми дешевыми шмотками и не отсутствием модной прически. Еще в начале семестра первая красавица курса дала понять, что не прочь закрутить с Киром любовь. Удивительно, что она запала на какого-то «лохмача», как обозвал его однажды однокурсник Витечка Сикорский, сын богатого папы из столичной администрации. Кирилл и одевался как начинающий бомж, и держался особняком, и взгляд имел какой-то странный, отсутствующий, вроде он постоянно думает о чем-то своем и видит то, чего не видят окружающие. Людей это в лучшем случае нервирует, а в худшем – вызывает агрессию. Наверняка Витечке, который верховодил на их курсе, носил дорогой модный прикид и приезжал на пары в новенькой иномарке, досадно было, что Анжела, за которой он ухлестывал, предпочла нелюдимого доходягу с тощим бумажником. Видно, было в Кирилле что-то такое необычное, загадочное, что привлекало жадных до романтики девушек... Все бы ничего, да вот только его-то как раз Анжела не привлекала – наоборот, совсем ему не нравилась, не любил он таких вот расфуфыренных самодовольных девиц, похожих на пластмассовые куклы. Поэтому он Анжелу с полным равнодушием к ее чарам отшил. Чем, естественно, вызвал к себе жгучую ненависть.

А теперь вот они за одну парту попали. Просто потому, что Кир опоздал на последнюю перед экзаменами летнюю консультацию, и под укоризненным взглядом препода вынужден был сесть на первое же свободное место.

Он еще раз глянул на часы – если б знал, что все так затянется, просто плюнул бы на консультацию! Да и что за глупость вообще: заявиться перед таким важным делом в МГУ! Хотя дома он нервничал, ходил из угла в угол, деваться было некуда, вот и пошел сюда – пересидеть. По расписанию преподаватель должен был закруглиться еще сорок минут назад, но паникующие из-за близкого экзамена студенты наседавали кучу вопросов, и дело затянулось.

Но вот наконец препода отошел от доски, пожелал всем удачи на экзаменах и стал собирать книги со своего стола в портфель.

Студенты зашевелились, заскрипели партами. Кир поднялся, взяв потертую джинсовую сумку. По всей аудитории зазвучали голоса. Анжела сидела на том же месте, загораживая ему проход. Достала зеркальце и, сложив губы сердечком, стала их с надменным видом подкрашивать.

– Дай пройти, – бросил Кирилл, думая о своем.

Вышло ненамеренно грубо – очень уж он спешил и потому не следил за интонациями.

Девушка резко повернулась к нему, явно собираясь выдать в ответ что-нибудь ласковое, но Киру было не до препирательств. Он вскочил на парту, пробежал по ней, наступив случайно кедом на угол Анжелиной тетрадки с розовой обложкой в каких-то гламурных цветочках и оставив на ней грязный отпечаток подошвы. Спрыгнул и метнулся к выходу, толкая студентов.

– Мерсер, паскуда, ты что делаешь?! – завопила Анжела вслед.

Экие словечки – из уст интеллигентной девушки, студентки третьего курса МГУ!

Кир выскочил в коридор и там вспомнил, что забыл купить энергетик, который ему сегодня ну просто необходим. Пришлось зайти в буфет при студенческой столовой. Сунув в карманы две поллитровые банки «Дикого быка», он снова выбежал в коридор, ссыпался по лестнице, пересек полный голосов просторный холл, шагнул наружу, под небывало жаркое для июня солнце – и наткнулся на высокого, широкоплечего, как всегда тщательно выбритого, в

дорогушей рубашке и джинсах долларов этак за пятьсот Витечку Сикорского. Да не одного, а с верным его дружкой, таким же гладколицым и зализанным Жорой Падженовым, обладателем огромного торса и выпуклой груди профессионального качка.

Оба были примерно на голову выше Кирилла, перед этими двумя он казался каким-то маленьким, юрким, суетливым – неубедительным, короче. Между ними, немного позади, стояла Анжела и держала Витю за локоть. Так вот оно что... Сикорский, стало быть, добился своего? Или пока еще нет, а только движется к желанной цели, спрятанной у Анжелы под юбкой?

Кир шагнул было в обход, но Витек переместился так, чтобы снова закрыть ему дорогу.

– Почему девушек обижаешь, Мерсер? – презрительно спросил он.

– Место свое забыл в этом мире, – бросил Жора, окидывая Кира таким взглядом, словно тот был мокрицей, только что выползшей из выгребной ямы.

– Что вам? – Кир, успевший уже начисто позабыть про короткую сцену в аудитории, увидел запятнанную подошвой кеда тетрадку в руке Анжелы и сообразил, наконец, чего они к нему пристали. – А! Прошу прощения, я случайно...

Кирилл действительно очень спешил, и все мысли его сейчас были о предстоящей операции, и потому он вообще слабо понимал происходящее. То есть понимал, конечно, но, так сказать, краем сознания, выделив на окружающую реальность лишь незначительные проценты от своей оперативной памяти и мощности центрального мозгового процессора. Алгоритм-то прост: у тебя есть цель, на пути к ней возникло препятствие, значит, это препятствие следует преодолеть наименее сложным и энергозатратным способом... И он просто нырнул мимо Жоржа, чтобы побыстрее сбежать по лестнице.

– Что ж ты невежливо так? – прогудел качок и ухватил его за воротник.

И тут же Витек Сикорский ударил сбоку кулаком в скулу – чувствительно ударил, хотя и не так чтобы очень.

Кир еще успел заметить, как мстительно сверкнули глаза Анжелы, а потом вступила в действие одна из программ, вложенных в него тренером. Так сказать – утилита¹ драки.

Он присел, вывернувшись из-под руки Жоры, и костяшками пальцев врезал Витьку снизу в подбородок – то есть не совсем в подбородок, а в мягкую ложбинку между ним и шеей.

Вообще-то, таким ударом можно и убить. Только у Кира для подобного не хватило бы ни силы, ни умения, все-таки его тренировали в основном с катаной, да и с нею Кириллу до истинного мастерства было пока что как пешком до Тибета. Но даже его не слишком ловкий и точный удар произвел на Витечку неизгладимое впечатление: тот заперхал, как бывалый курильщик ранним утром, захаркал, взмахнул руками и стал валиться на спину.

Он упал бы позорно навзничь прямо на каменных ступенях Университета, в окружении гомонящей толпы студентов, если бы Жора не подхватил его за плечи. Анжела ойкнула. Жора разинул рот. Кир рванул вниз по лестнице – еще немного, и он точно опоздает!

– Э, ты что делаешь? – прозвучало неподалеку. – Витек, что происходит?!

На бегу Кир кинул взгляд через плечо – из дверей Университета вывалили два брата Марковских, дружки Жоры по спортзалу.

После лестницы он сразу повернул влево. На университетской стоянке свою машину Кирилл никогда не ставил – ни ту, старую, ни эту, новую, на которой прикатил впервые. Скула болела... а если там синяк прямо перед операцией появится?! Чертов Сикорский, надо было ему вообще кадык в гортань вбить! Сзади закричали, но Кир больше не оглядывался. Свернув за угол ближайшего дома, обежал мусорный бак и вдавил кнопку на брелоке, который вместе с ключом зажигания нащупал в кармане. Сигналка пискнула, он распахнул дверцу машины, аккуратно положил сумку на сиденье, залез, завел мотор.

¹ Утилита (utility или tool) – компьютерная программа, расширяющая стандартные возможности оборудования и операционных систем, выполняющая узкий круг специфических задач.

Но вырулить с асфальтового пятачка между баком, газоном и заколоченным ларьком не успел, путь преградила все та же компания: Жора, держащийся обеими руками за горло Витек, братья Марковские и Анжела.

Глаза ее стали большими-пребольшими, когда она увидела «лохмача» за рулем новенькой синей «инфинити», которая стояла... ох и много она стояла – примерно как пять-семь иномарок вроде той, на которой разъезжал Витя Сикорский.

Остальные тоже опешили, кроме Жоры, который для этого был слишком туп. Он шагнул навстречу, заноса кулак. Кирилл газанул, и джип покатиł прямиком на качка.

Анжела снова ойкнула, но теперь с другим выражением – скорее изумленно. Закричал один из Марковских, что-то промышчал Витек, а Жорж грузно отскочил и упал, зацепившись за бордюр.

Едва не задев боком мусорный бак, «инфинити» проехал мимо растерянных студентов. Кир круто повернул – и с ходу влился в не слишком плотный поток машин, едущих по Ломоносовскому проспекту в сторону Кутузовского.

Конец, бросаю этот идиотский универ! – сказал он себе, потянувшись к бардачку, где лежали сигареты. Ладно бы, на кибернетику поступил, но экономический... Чего на парах скучать каждый день и с кретинами вроде Жоры или Марковских общаться?

Но он знал, что не бросит. А все из-за мамы. Она всегда была честной и надеялась, что и сын у нее такой же вырастет. Честным, хорошо образованным, получит престижную работу и станет уважаемым членом общества. Банкиром, к примеру. После Экономического факультета как раз в банкиры и дорога. Знала бы мама, чем теперь сын занимается... Вот и получается, что Кир, продолжая учиться, просто исполняет ее мечту, чтоб совесть не мучила.

И нечего было на новой машине туда приезжать. Хотя, с другой стороны, на хрена она тогда вообще нужна, если на ней не ездить? Поставить на стоянку и любоваться? Так лучше уж продать сразу да купить на эти деньги какой-нибудь... да вот домик какой-нибудь купить в горах, в том же Тибете – давняя мечта! То есть «давняя» – это значит уже больше года он о таком домике думает. Скрыться там от глаз Артемия Лазаревича и Лагойды надолго, пока им не надоест искать.

Ему надо было очень быстро доехать до Подольска. Климат-контроль жужжал вовсю, но в кабине все равно было жарковато. Кирилл открыл банку энергетика, сделал несколько глотков, вытащил сигарету из пачки и закурил. Покосившись на сумку, лежащую на соседнем сиденье, протянул к ней руку и похлопал ласково. Скоро ты мне понадобишься. От тебя все будет зависеть. Находящийся внутри лэптоп Кирилл воспринимал как живое существо – вроде любимой собаки, умной и абсолютно послушной. Хотя сейчас в лэптопе, кроме прочего, сидела большая программа, засунутая туда спецами Артемия Лазаревича. А ведь Кирилл свою машинку знал «от» и «до» – любые драйвера, самые простые утилиты проверял, прежде чем загрузить. И эта программа, которую вскоре предстоит запустить, казалась ему... Ну, как большой опасный червяк, глист в желудке любимой собаки.

Хуже всего, что ему было запрещено копать в проге, и он не мог определить, что это такое и как работает. Хотя догадывался, конечно. Но хотелось бы ясности, – а нарушить указания заказчика Кирилл боялся, слишком уж серьезно глядел на него в последний раз Артемий Лазаревич, и слишком многозначительно улыбался Лагойда, начальник его службы безопасности.

Он повернул, не снижая скорости, перешел в левый ряд, обогнал две машины, ушел вправо. Впереди показались окраинные дома Подольска. Докурив, Кир смял сигарету в пепельнице, хлебнул еще энергетика и перед первым городским светофором снизил скорость.

Он готовился к этому делу около двух месяцев, потому что тут требовалось не только хакерское, но и обычное, то есть физическое, проникновение на охраняемую территорию. Артемий Лазаревич выдал аванс в виде дорожущего новенького джипа, и уже одно это гово-

рило о важности предстоящей операции – заказчик был не из тех, кто тратит деньги почем зря, именно потому он и стал олигархом. Фамилию Артемия Лазаревича Айзенбаха очень редко упоминали газеты и склоняло телевидение, что необычно, ведь как правило, такие люди на виду. Но Айзенбах умел быть незаметным, оставаться в тени.

После успешного окончания операции он обещал еще и подземный гараж на проспекте Вернадского, где Кир недавно купил большую двухкомнатную квартиру. И вот какой вопрос тут возникал: почему работодатель, раньше переводивший оплату на кипрский счет, изменил привычке, отдал нулевую тачку и посулил дорогой гараж для нее?

Не потому ли, что деньги с чужого счета Артемий Лазаревич назад никак не вернет, а вот машину его охрана может попросту угнать и спрятать на территории московского отделения консорциума «Старбайт», принадлежащего олигарху?

Не потому ли, что заказчик не очень-то верит, что исполнитель останется жив после окончания этого дела? То есть после самого дела, вероятно, останется... но что с ним сделает потом сам Артемий Лазаревич? Что, если он собирается, как говорится, подчистить концы? Стереть, так сказать, ненужный софт?

Хотя Кирилл Мерсер ему нужен, очень нужен. Но на этот раз украденное настолько важно, что Айзенбах даже пустит в расход своего хакера?

Он остановил машину в квартале от нужного здания, возле тенистого скверика. Большой город остался позади, Подольск после столичного шума и суеты казался тихим, спокойным, сонным. Хотя именно здесь находился государственный научный центр «РосТехноКонсалтинг», построенный после того, как правительство наконец сообразило, что мериться с соседями лучше высотой своих технологий, а не длиной своих нефтяных труб.

Не вылезая из машины, Кирилл опустил спинки задних сидений, вытащил из багажника большую сумку и переоделся: синий комбез с желтой молнией и нагрудной биркой «ТЕХНИЧЕСКАЯ СЛУЖБА РТК», синие туфли, синяя кепка. Лэптоп из сумки переложил в матерчатую, тоже синюю, с железной бляхой, такая же надпись сообщала, что обладатель сумки из технической службы. Всем этим, включая тщательно подделанное удостоверение, его снабдили люди Айзенбаха. А вот данные Виктора Мозгового (это имя стояло в удостоверении под фоткой Кирилла) в компьютерную сеть «РосТехноКонсалтинг» он внес сам, перед тем потратив больше месяца на медленное, тщательно законспирированное проникновение в святая святых этого предприятия – локальную сеть внутреннего уровня, состоящую всего из семи компьютеров и небольшого сервера, спрятанного в подвале одного из корпусов РТК.

Проблема в том, что компьютер, где хранились нужные олигарху данные, не был вообще подключен ни к какой сети. У него просто не было ни сетевого выхода, ни вай-фая, ничего. То есть к нему надо подключиться напрямую – воткнуть флешку в порт и переписать из машины информацию.

Собрав волосы в хвост, Кирилл спрятал его под кепкой, которую повернул козырьком назад. Нацепил большие круглые очки в дешевой оправе, вышел и закрыл машину. Перекинув ремешок сумки через плечо, он вразвалочку прошествовал к южной проходной «РосТехноКонсалтинга», по дороге купил мороженое в ларьке. С мороженым, как он решил, вид у него будет свойский, вызывающий доверие.

Было тепло и тихо, солнце расплывалось в больших стеклянных дверях проходной. Негромко играло радио. Дежурная смена состояла из двоих в форме, с кобурами на ремнях, и молодого мужчины в гражданском костюме, сидевшего за компом возле массивного стального турникета. За турникетом начинался проход между тумбой и стеной, а дальше холл с диванчиками и пальмой в кадке. Поверх тумбы шло стекло, отгораживающее место, где находились охранники.

Кирилл отсалютовал им вафельным стаканчиком, очень надеясь, что выглядит естественно и, как бы это сказать... расслабляюще.

Один охранник вообще не обратил на него внимания – глядел в монитор под потолком, откуда доносился какой-то нестройный шум, – второй окинул взглядом с ног до головы. И нахмурился.

– Покажите удостоверение, – бросил молодой равнодушно.

Кирилл достал «корочку» из кармашка на груди, раскрыл и сунул в щель под стеклом.

Бронированное, похоже. Вообще, у них тут все продумано: проход за вертушкой узкий, в конце его торчит край выдвижной перегородки, наверняка на электроприводе. Нажал на кнопку – и защита выскочила из стены, перекрыв дорогу, и пока злоумышленник будет через нее перелазить, охранники его запросто положат.

– Виктор Мозговой... – негромко произнес мужчина в костюме, перевел взгляд на лицо Кира, сверяясь с фотографией, и защелкал по клавиатуре.

Кир дожевал мороженое. Поправил кепку. Мужчина удостоверился, что такой человек и правда значится в технической службе РТК в должности младшего наладчика, занес в компьютер данные о времени его прихода на службу и сунул удостоверение обратно.

– Проходите.

– Ага, – кивнул младший наладчик Виктор Мозговой и положил руку на тихо клацнувший турникет.

Толкнув стальную дугу, он шагнул в проход, и тут один из охранников сказал с легким белорусским акцентом:

– Что-то я раньше тебя не видел, хлопец.

Кир с легкой полуулыбкой пожал плечами и бросил развязно, надеясь, что взял верный тон:

– Ну, батя, я тебя тоже раньше не видел.

Охранник навалился локтями на тумбу, и Кирилл, с трудом преодолев желание рвануть вперед, приостановился.

– Я тут сутки через трое по жизни дежурю, – заявил «белорус». – А ты...

– А я, – Кирилл повернулся к нему, – центральной проходной по жизни пользуюсь. Той, что с проспекта Новой России ведет. Это уважительная причина, почему ты меня не видел?

Охранник окинул его взглядом с ног до головы.

– А чего ж сегодня здесь пошел?

Кирилл пожал плечами.

– По другой улице на работу приехал, ну и здесь ближе оказалось.

– А-а, – неопределенно протянул «белорус». – Ну, ясно.

Он распрямил спину, и Кир пошел дальше, про себя переведя дух, но охранник добавил:

– А чего так поздно на работу являешься? Вторая смена уже час как началась. Да и не положено так вообще-то, через разные проходные, мы ж учет ведем. Петрович, а ну-ка передай им, что данный гражданин сегодня через нас заявился, да с опозданием. Или нет, погоди, я сам звякну, там же Миша сегодня дежурит, он...

Говоря это, охранник неторопливо зашагал к лежащему на другом конце тумбы радиотелефону, и каждый его шаг приближал операцию к провалу, а Кирилла Мерсера – лучше не думать к чему... «Белорус» взял трубку, прижал к уху, проверяя, есть ли сигнал, и, близоруко щурясь, стал тыкать пальцем в кнопки. Кирилл остановился в конце прохода. Бежать не имело смысла – куда бежать? Его станут искать по всему РТК и обязательно найдут. Но и назад нельзя, пока он дойдет до турникета, охранник успеет заговорить в трубку... Вот он уже и заговорил.

– Мишка! – крикнул «белорус». – Слышишь, Витя беспокоит! Тут у нас хлопец один...

Второй охранник, все это время не отрывающий взгляда от монитора под потолком, заорал:

– Гол!!!

Льющийся от монитора шум плеснулся, и стало понятно, что это приглушенный рев трибун.

– Кому?! – взревел «белорус», бросаясь к нему с трубкой, прижатой к уху.

– «Нашим»!

– А-а-а!

Тут ему из трубки наверное что-то сказали, что-то неласковое, потому что «белорус» прохрипел:

– Звиняй, Миша, это я не тебе! Все, отбой!

Кирилл, покрывшийся потом от макушки до пяток, зашагал дальше. Вот уже тумба позади, и холл, и диванчик, где сидят двое серьезных мужчин в костюмах, положив на низкий столик кожаные «дипломаты»... он толкнул стеклянную дверь, ведущую на территорию РТК, а позади «белорус» со вторым охранником выражали свое авторитетное мнение насчет того, что «наши» нынче уже не те...

А Кирилл был уже во дворе – и закрывшаяся дверь отсекала его от разговора охранников, от холла, турникета с бронированным стеклом, в общем, от первого серьезного препятствия в этой операции.

Таких препятствий оставалось еще четыре: вскрыть другую дверь, скачать необходимые Артемию Лазаревичу данные, закинуть его программу на лабораторные компьютеры и покинуть территорию, не подняв тревоги.

Двор РТК был затейливый, с садиком, аллеями, фонтаном, мостками через канал с весело журчащей водой. Ясное дело, старшему и младшему научному персоналу, создающему на благо страны и ее хозяев нанороботов, трансгенные продукты и новейшие типы вооружений, надо хорошо отдыхать в обеденный перерыв.

Он как раз начался: по аллеям прогуливались люди в костюмах с галстуками, белых халатах или синих комбезах, сидели на скамеечках, глядели с мостков в воды канала и чинно беседовали.

Собственно, именно на обеденный перерыв Кирилл и рассчитывал. А еще на то, что называют человеческим фактором. Ведь это был именно государственный научный центр, а что такое государство? Известное дело: разгильдяйство, лень, халатность, в общем, он самый и есть – человеческий фактор. Именно из-за него иногда тонут ядерные подлодки и накрываются свинцовым тазом саркофага атомные электростанции.

Именно человеческий фактор помог Киру попасть в одно из зданий за каналом, миновать два подземных этажа, пройти три коридора, лестницу – и очутиться перед запертой металлической дверью с табличкой:

ЛАБОРАТОРНЫЙ ЗАЛ. ВХОД ТОЛЬКО ПО ПРОПУСКАМ

Над ней была еще одна, световая, с красными буквами: «НЕ ВХОДИТЬ! ИДЕТ ЭКСПЕРИМЕНТ!», сейчас погашенная.

Вверху остался шум голосов и сияние панелей дневного света, под лестницей было тихо, горела тусклая лампочка в металлической оплетке. На стене возле двери поблескивала небольшая панель с прорезью. Без единой кнопки, зато с четырьмя винтиками по углам, спрятанными под железными колпачками.

Сердце стучало быстро и звонко, будто стальным молоточком по стальной пластине: так-так! так-так! так-так!

Из сумки он достал универсальную отвертку. Снял колпачки с винтов, вытащил сами винты, потом осторожно отсоединил панель от стены. Положил на пол. Обнажились внутренности: микросхема возле щели приемника, куда надо вставлять электронный пропуск, аккумуляторно припаянные тонкие проводки, и один, потолще, уходящий в стену. Такими обычно соединяются компы в локалке.

Кирилл хорошо знал структуру команд идентификации пропуска, его форм-фактор и способ хранения информации. Во всяком случае, достаточно, чтобы перехватывать запросы к карточке и отправлять свои «правдивые» данные. Убрав отвертку в сумку, Кир достал лэптоп, с начала поездки пребывающий в спящем режиме, раскрыл и сунул в USB-порт штекер с проводом двухметровой длины, на другом конце которого сверкнули оголенные жилки. Он положил лэптоп на пол рядом с сумкой, вытащил пинцет со скальпелем. Ухватив провод возле приемника электронного пропуска, надрезал изоляцию и подсоединился к нему.

Опустившись на корточки над лэптопом, включил программу, которую писал около месяца, – она должна была симитировать «правильный» пропуск, вставленный в щель приемника.

Программа заработала.

С лестницы донеслись шаги.

Он моргнул. Здесь никого не должно быть сейчас!

Программа раскрыла одно окно, за ним второе, а после и третье – и в каждом бежали столбцы цифр. Голоса стали громче, Кир разобрал фальцет: «Нет, Паша, теперь я настаиваю на немедленном проведении эксперимента! Ну и что, что руководство не поставлено в известность? В конце концов, эта работа находится целиком в моем ведении... Что, что они вам сказали?!» Откликнулся другой голос, глухой и неразборчивый. Шаги приближались. Первый снова заговорил: «Да вы же понимаете, тут дело не в одобрении, какое мне дело до военных? Они вольны назвать установку „Системой защиты нового поколения“, это не мой вопрос, я всего лишь экспериментирую с вероятностями! И не они оплачивали эту работу, чтобы теперь претендовать на ее результаты! Что? Да, я прекрасно понимаю, в каком государстве живу, но есть же пределы... Что там с генераторами, Паша?» Собеседник ответил: «Подключены все четыре. Мне не хотели подписывать ведомость, сказали – перерасход, зачем так много энергии?» Фальцет взвился: «Но я же объяснял: есть вероятность, что при включении установки будут сбои с электрикой, необходимо автономное питание!»

Программа закрыла два окна. В последнем цифры бежали так, что слились в мерцающий столбик. Шаги стали совсем громкими... а потом хлопнула дверь, и они стихли. И тут же мигнул зеленым светодиод возле щели приемника на стене. Стал красным, замерцал – на экране лэптопа вылезло второе окно, Кир щелкнул по клавише «enter» – окно погасло, и диод снова позеленел.

Кирилл выдохнул. Все это время, то есть примерно с минуту, он не дышал, а теперь дыхнул так, что монитор запотел.

Он выпрямился и раскрыл дверь.

Ничего не произошло. То есть она открылась – и всё тут. Ни тебе рева сирен, ни истошно мигающей красной иллюминации, как бывает в фильмах, ни топота охранников с автоматами. Впереди был просторный зал со сферическим потолком. Полутемный, озаренный только люющим с площадки, где стоял Кир, светом.

Он отсоединил контакт от уходящего в стену провода, достал из сумки тубик, капнул на разрез черным клейким веществом, которое после застывания вполне убедительно имитировало пластик изоляции. Поставил на место панель, закрутил винты, покапал на каждый прозрачным клеем из другого тубика, быстро приладил защитные колпачки. Все, теперь при поверхностном осмотре фиг определишь, что в приемнике электронного замка кто-то ковырялся. После окончания основной фазы операции Кир еще собирался подключиться к серверу Службы безопасности и убрать все логи, связанные с посещением лаборатории неустановленным лицом... или, скорее уж установленным, но на самом деле несуществующим. На этом особенно настаивал Артемий Лазаревич.

Перекинув через голову ремень сумки, Кир проник в зал и огляделся, поворачивая фонарик, который вытащил из кармана.

В центре круглого помещения была большая неглубокая воронка – пологая, выложенная тщательно пригнанными плитами, кажется, свинцовыми. Посреди стояло необычное устройство: высокая узкая подставка, на ней толстая спираль – то есть согнутая трубка из металла с зеленоватым отливом. Диаметр самого большого витка был около метра.

Кирилл шагнул дальше, прикрыл дверь за собой. Вдоль стены полукругом шла решетчатая площадка, где на столах мерцали экранами, помигивали и тихо жужжали приборы. Были там и компы, вполне современные, с ЖК-мониторами и эргономичными изогнутыми клавиатурами, но не они привлекли внимание Кира. Поднявшись по короткой лесенке на край площадки, Кирилл сразу увидел *его*. Он состоял из допотопного «телевизора» – то есть монитора с электронно-лучевой трубкой, громоздкого, угловатого, – потертой «клавы», «мышки» без «скролла», вороха разномастных проводов и грязно-белого системного блока. Системник приоткрылся возле тумбочки на другом конце площадки и жужжал кулером так, будто собирался взлететь. Монитор на тумбочке мерцал в спящем режиме.

Вот он, человеческий фактор в действии! Вениамина Павловича Буревого, главу проекта, сведения по которому Кир собирался украсть, всякие журналы называли новатором научной мысли, смелым прорицателем и открывателем новых горизонтов. И при этом он был полнейшим ретроградом во всем, что касалось компьютерной техники. От ЖК-мониторов у Буревого болели глаза, хотя болеть они как раз должны были от этого допотопного ящика с его частотой в несчастных шестьдесят герц. От новейших сенсорных клавиатур у него сводило пальцы, а от беспроводных лазерных мышек ученый шарахался, как от чумных крыс. Поэтому и стояла здесь эта развалина, не подключенная к сети из-за общей процессорной немочи и, главное, с полным отсутствием сетевой карты на борту. На этом чуде доисторической техники работал Вениамин Павлович Буревой, в ней хранились основные данные по проекту, носящему название «Купол Абсолюта».

Во всяком случае, так говорил подкупленный Артемием Лазаревичем старший лаборант из «РосТехноКонсалтинга», основной источник сведений, которыми для проникновения в этот зал воспользовался Кир.

Он пересек площадку, по дороге подумав, что у этого раритета нету USB-входа. Откуда ему, собственно, там взяться? Да и сидиром если и есть, то не пишущий. Там же даже «флопик» для доисторических дискет, наверное, имеется...

Компьютер стоял позади высокого железного ящика, полного проводов, мотков изоляции, ножек от мебели и инструментов. Обойдя его, Кир сел на табуретку перед монитором, шевельнул мышкой, чтобы вывести мастодонта из сна, и глянул на панель системного блока. Вот она, закрытая пластиковой шторкой щель дисководов. О Великий Небесный Сисадмин, слышишь ли ты меня? Дисковод! Дискеты! Кирилл не пользовался ими давным-давно. В конце концов, сейчас век лазерных дисков и флешек, куда влезают десятки гигабайтов, а не те неполные полтора мегабайта, которые помещались на стандартной дискете.

Монитор так и не проснулся, пришлось стучать по клавишам. Наконец, после того как Кирилл трижды ударил пальцем по «пробелу», комп ожил.

Ни пароля, ничего... Прямо посреди жутко мерцающего экрана в окружении других ярлыков висела папка, озаглавленная «материалы по проекту». Внутри оказались файлы с таблицами, графиками, схемами и текстами, которые пестрили всякими словечками вроде «квантовая суперпозиция», «общая теория поля» и «древо Эверетта». Ну что тут скажешь, может, Вениамин Павлович Буревой и выдающийся квантовый физик, но конспиратор из него, как из Кирилла – укладчик асфальта.

Он припомнил фотографию ученого в Интернете, сделанную во время вручения тому государственной премии: всклокоченная седая шевелюра, вдохновенное лицо, нос крючком, какие-то слегка безумные, не от мира сего глаза... Про самого Кирилла, правда, тоже говорят,

что он не от мира сего, но Кир в целом человек тихий, самоуглубленный, а Буревой, судя по фотографии, тот еще баламут.

Ладно, пора работать. И без USB с пишущим сидиромом справимся – было бы что красть, а как украсть мы сообразим.

Поставив включенный фонарик на пол, Кир опустил на корточки и полез за системный блок. Вот почему вентилятор так громко гудит – боковой крышки нет. Грабитель достал из кармана спичечный коробок, а оттуда спичку. Коробок положил обратно, спичку зажал в зубах. Взяв фонарик, сунулся в пыльные недра старого системника, будто тяжелый театральный занавес, развел в стороны шлейфы проводов. Глянул на часы – до конца обеденного перерыва двадцать минут, времени хватает, да и не факт, что после перерыва тут кто-то объявится. По словам подкупленного лаборанта, сегодня в зале вообще никого не должно быть, потому что ближайший эксперимент назначен только на следующий понедельник, а глава проекта вместе с двумя заместителями отбыл на встречу в министерство обороны, которое последние месяцы проявляет все более настойчивый интерес к «Куполу Абсолюта».

Итак, «винт» IDE. Ожидаемо. Переходник, чтобы подключить IDE через стандартный USB-разъем, имеется, так что не проблема.

Кирилл отключил комп, выдернул шлейф из «винта» и вставил вместо него шлейф переходника. USB-конец воткнул в лэптоп. Подождал, когда в его машине определился винчестер мастодонта. Старая файловая система – тоже нет проблем, ведь ПО позволяет увидеть содержимое логических разделов.

Копаться в них было некогда, и он приготовился скачать не только папку с рабочего стола, но вообще все содержимое винчестера, поражающего воображение своими невероятными размерами в семь гигабайт.

Сзади щелкнул электронный замок, дверь в зал раскрылась, и включился яркий свет.

Зазвучали голоса, кто-то ругнулся, зашаркали подошвы по площадке, как бывает, если двое людей тащат что-то тяжелое и громоздкое.

У Кирилла в животе все оборвалось, сердце с глухим уханьем подскочило к горлу и заколотилось там, как насмерть испуганная птичка. Но все же он не шелохнулся – сидел в той же позе, неудобно скрючившись и уставившись в лэптоп, где синяя полоска прогресс-бара показывала, как льются байты с одного «винта» на другой. А за спиной его, за высоким железным ящиком с инструментами началась какая-то оживленная деятельность. Там ходили, деловито переговаривались, чем-то стучали, что-то двигали...

– ...А я говорю, что не позволю им забрать мою работу! – взвизгнул уже знакомый фальцет, и остальные голоса почтительно смолкли. – Думаете, они просто хотят перенести эксперименты в ведомственную лабораторию?! Нет! Они меня убьют, всех нас отстранят, и место главы проекта займет какой-то мужлан, не отличающий бомбу от осциллографа! Мы должны успеть получить конечные результаты, поэтому начинаем немедленно!

Перекачка данных шла полным ходом. Народу позади, судя по звукам, прибавилось, теперь там царила настоящая суета. На Кирилла не обращали внимания – первые из появившихся в лабораторном зале его просто не заметили, потому что были слишком заняты, а вторые решили, что он пришел с первыми.

Несколько раз кто-то прошел прямо за ним. Винчестер древней машины побряхтывал, синяя полоса в шкале росла – байты, мегабайты, гигабайты информации пронеслись со свистом...

– Ой, а что это вы?.. Чем вы там заняты?

Кир медленно повернулся.

Позади стояла молодая девушка в белом халатике, курносая и розовощекая.

– Это же компьютер шефа! – театральным шепотом поведала она.

За спиной ее около десятка мужчин занимались разнообразными делами: настраивали приборы, подключали к ним кабели, что-то монтировали, считывали информацию с мониторов, спорили на непонятные темы – в общем, осуществляли научную деятельность. Двое техников в синих комбезах – молодой лопоухий парень и коренастый мужчина в возрасте – стоя на карачках, подсоединяли пару скрученных спиралями ярко-красных проводов к краю свинцовой воронки, где поблескивали большие клеммы.

Кирилл улыбнулся девушке.

– Я знаю, чей это компьютер. А в чем вопрос?

– Назаров, я вас прошу: быстрее, пожалуйста! – воскликнул фальцетом мужчина с включенной седой шевелюрой, носом-крючком и немного безумными, не от мира сего глазами – то есть Вениамин Павлович Буревой собственной персоной.

– Да ладно, закончили уже почти, – брюзгливо откликнулся коренастый в синем комбезе. – Не видите, новый помощник у меня, неопытный.

Курносая, быстро оглянувшись на шефа, склонилась к Кириллу и доверительно спросила:

– Вас Паша вызвал?

Он пожал плечами, постаравшись сделать это так, чтобы жест можно было истолковать по-всякому.

– Я сразу так и подумала, – зашептала девушка. – Вениамин Павлович никого к своему компьютеру не подпускает, а ведь там уже винчестер начал сыпаться. Так вы его наладили?

Передача данных закончилась, лэптоп тихо пискнул и погасил шкалу закачки. Кирилл сказал:

– Кто я, по-вашему, такой? Конечно, наладил.

– Ой, это очень хорошо! Только вас Паша предупредил, это так надо сделать, чтобы Вениамин Павлович не заметил, что кто-то в его машине копался? – Девушка сделала большие глаза и оглянулась на Буревую.

Вцепившись в свою шевелюру и яростно ее дергая, ученый наседавал на Назарова, который лениво отругивался, в то время как его «новый неопытный помощник» заканчивал монтировать провода.

– Ясное дело, – кивнул Кир, убирая лэптоп в сумку. – Все чисто и аккуратно, хакер носа не подточит.

– Надо вам теперь тихонько отсюда выйти... – начала девушка, и тут лопоухий кивнул Назарову, а тот сказал Буревому:

– Готовы мы.

– Ну так начинаем, начинаем! – замахал руками Вениамин Павлович.

– Шеф, какой коэффициент кривизны ставить? – спросил мягкий баритон.

– Давайте кратный шести. Все по местам! Закройте дверь! И маски надеть – всем, всем! Людочка! Где моя маска?!

– Сейчас! – пискнула курносая и негромко затараторила, обращаясь к Кириллу: – Вы тогда уж здесь побудьте, пока мы эксперимент закончим, только тихонько, хорошо? Я вам маску сейчас тоже дам.

Выпрямившийся было Кирилл плюхнулся на табуретку. Высокий железный ящик скрывал его от большинства людей в зале, но оставаться здесь надолго все равно было слишком опасно. Даже с маской, которую ему вскоре украдкой передала Людочка. Состояла маска из овального окуляра вполлица: резиновый ободок и толстое зеленое стекло.

Спрятав в карман очки, Кирилл надел ее вслед за остальными людьми в зале. Большинство уселись за столами, после чего помещение стало напоминать Центр Управления Полетами в миниатюре, хотя маски и портили общее впечатление.

– Назаров! – позвал Буревой.

– Да все, все уже, – откликнулся тот и вместе с лопоухим помощником вернулся на площадку.

Теперь вокруг свинцовой воронки никого не осталось. Спираль, венчающая установку, поблескивала зеленоватым металлом.

– Товарищи! – громко заговорил Вениамин Павлович, и другие голоса смолкли. – Мы присутствуем при великом... не побоюсь этого слова – историческом событии! А потому я не буду говорить долгих речей – наша работа сама говорит за себя. Начали!

Кирилл не разглядел, кто врубил процесс, услышал лишь, как установка загудела.

Сначала медленно, но с каждым мигом все быстрее начала вращаться расположенная в вертикальной плоскости над ней спираль. И при этом мигать тусклым светом.

Кир, выпрямившийся во весь рост позади ящика, быстро оглядел присутствующих. Назаров с лопоухим облокотились на ограждение площадки, позади них стояла, теребя воротник халатика, Людочка. Работники лаборатории, сидя за столами, следили за показаниями приборов, глава проекта нервно прохаживался за спинами подчиненных. Дверь в зал была закрыта, хотя светодиод на ней горел зеленым – то есть открыть ее и выйти наружу можно без электронного пропуска, просто нажав на ручку. Но сейчас проскользнуть к двери не удастся, надо ждать.

Установка тихо гудела, спираль вращалась и мигала.

– Запускаем процесс! – крикнул Буревой, обеими руками вцепившись в шевелюру.

Затарактел стоящий на столе большой агрегат, от которого к воронке тянулись красные провода. Спираль сверкнула, погасла на несколько секунд и начала переливаться тяжелым густо-зеленым сиянием. Непонятно было, откуда оно льется – вроде она состоит из металла, так что же там светится? Ко всему прочему, спираль зазвенела... звук был очень чистый, ясный и казался началом какой-то музыкальной темы, одной длинной-длинной нотой.

Кир моргнул, увидев изумрудный туман, возникший вокруг спирали. Внутри клубились тени, перетекали одна в другую. Спираль вращалась с такой скоростью, что стала висящим в воздухе призрачным кругом.

Людочка отступила на шаг, Назаров с лопоухим застыли, навалившись на ограждение. Буревой что-то выкрикнул фальцетом. Внимание всех присутствующих было сосредоточено на установке – судя по лицам, происходило нечто очень важное, кульминация долгой сложной работы. Кирилл бочком пошел через площадку, не отрывая взгляда от того, что творилось вокруг спирали. Круг потерял четкость, стал висящей в воздухе размытой бледно-зеленой воронкой овальной формы. Она пульсировала, испуская волны сияния.

Запотевшая маска мешала, и Кирилл приподнял ее.

И увидел, что установку накрывает купол зеленого света. В нем проскакивали изумрудные молнии.

Спираль теперь напоминала галактику в миниатюре, состоящую из мириад ярко-зеленых искр. Она вращалась с тихим звоном, во все стороны били молнии, впивались в световой купол и таяли.

Люди поднялись из-за столов. Кирилл тихо продвигался к выходу позади них.

– Да! – прозвучало над ухом. – Получилось! Они будут довольны – это начало новой эпохи!

Голос Буревского переполнял восторг. Быстро шагнув вперед, ученый натолкнулся на медленно семенящего через площадку Кира.

– Что? – вскрикнул Буревой. – С дороги! Вы... Ты...

Теперь они стояли лицом к лицу. Буревой поднял маску на лоб, близоруко прищурился и закричал:

– Кто вы такой?!

Несколько человек оглянулись на них.

– Шеф! – пискнула Людочка. – Вениамин Павлович, это наладчик! Компьютерщик! Он занимался вашей машиной...

– Моей машиной? Кто позволил?

– Но она... Но там ведь винчестер...

– Кто позволил, спрашиваю?! – Буревой схватил Кирилла за плечо, не пуская его к двери. Коренастый техник Назаров нахмурился и зашагал к ним. Помедлив, за ним направился лопухий.

– Но ведь надо было починить его, – растерянно сказала курносая. – Это... Его позвал Паша...

– В компьютере все данные по проекту! – Буревой повернулся к долговязому бородатому мужчине, вставшему из-за ближайшего стола. – Павел!

– Шеф, я никого не звал вашу машину чинить, – возразил тот.

– Нет? Так откуда этот человек? Он шпион из минобороны! Похитил данные! – Вениамин Павлович вцепился в сумку на плече Кира и дернул к себе.

Кирилл оттолкнул его. Людочка завизжала. Буревой отшатнулся с криком:

– Остановить! Не выпускать его!

Лопухий с Назаровым бросились к Киру, с другой стороны появился бородатый Паша, и Кирилл выхватил из сумки шокер. Он присел, низко пригнувшись, и бородач перелетел через него, с удивленным воплем растянувшись на полу. Шокер клацнул, два металлических кружка на тонких проводках, протянувшихся от квадратного ствола, прилипли к морщинистому лбу Назарова. Тот повалился на пол, запрокинув голову и дергаясь.

А лопухий с разворота ударил Кирилла ногой.

Вышло неожиданно и больно. То есть Кирилл в последний миг успел прикрыться локтем, но тренер его за такой блок не похвалил бы.

Он ударил в ответ. Помощник Назарова подался в сторону, плечом толкнув Людочку так, что она с возмущенным писком отлетела к столу с компьютером. Под рукой Кира оказался ворот чужого комбеза, он рванул – и оторвал большой кусок ткани на груди лопухого.

Под ней обнаружилась пристегнутая ремнями к телу плата с микрофоном и чем-то еще, очень напоминающим шпионскую электронику.

– Идиот! – злобно бросил лопухий, принимая стойку карате. – Завалил нам операцию!

– Ты кто?! – выдохнул Кир в полном изумлении. Он успел подумать, что противник, возможно, как раз и есть агент минобороны, или, может, кого-то из конкурентов Артемия Лазаревича Айзенбаха, или – чем черт не шутит? – он из какой-то западной спецслужбы, и тут за спиной шпиона возникла Людочка с большим монитором в руках.

Она ударила им по голове лопухого. Одновременно сбоку на Кира опять бросился Павел и сбил его с ног. Они покатались по полу, врезались в ножку железного стола. Кирилл оттолкнул бородача, вскочил, получил кулаком по колену, охнул от боли – и тем же коленом врезал встающему Павлу по лицу, сломав маску.

Удар бросил бородача назад, прямо на стол. Со скрежетом подломила ножка, лопнул винт, и стол начал заваливаться набок вместе с большим агрегатом, от которого к свинцовой воронке тянулись два красных провода.

– Осторожно! – выкрикнул Буревой где-то за спиной Кира. – Держите трансформатор!

Но было поздно – стол опрокинулся, и агрегат с грохотом свалился на площадку. Один провод порвался, другой натянулся струной, от клеммы на краю воронки посыпались искры.

Звон зеленой спирали превратился в неприятное надсадное дребезжание. Кирилл, толкав людей, бросился к двери, но увидел прямо перед собой стоящего на коленях лопухого. Обими руками тот держал пистолет. Кир нырнул вбок, пуля свистнула над ухом, ударила в железную столешницу упавшего стола и от ricochet к установке посреди свинцовой воронки.

На поверхности светового купола разбежался круг сияния, словно от шмякнувшегося в воду камня. Купол мигнул – и начал расти. Покатая вершина полусферы утонула в потолке, выгнутая наружу густо-зеленая стена пересекла зал, накрыла площадку вместе с приборами и людьми, осыпая их изумрудными молниями.

И после она прошла сквозь Кирилла, как раз соскочившего с площадки.

Пространство мигнуло, стало плоским и зеленым, но тут же снова вернулось к прежнему состоянию. Подкосились ноги, в голове загудело. Кир упал на колени возле двери.

Изумрудная галактика над установкой взорвалась роем искр. Воздух с шипением и свистом устремился к ней. Люди попадали, их поволокло к воронке.

У Кирилла затрепали брови, в волосах проскочили искры. Он вцепился в дверной косяк. Кричала Людочка, кто-то ругался хриплым басом, истошно голосил Буревой. Кир встал, пошатываясь, зашагал прочь, преодолевая напор ветра. Сумка с ноутбуком хлопала по ребрам, он прижал ее локтем.

Он был уже в коридоре, когда за спиной раздался громкий хлопок, тугой поток воздуха на мгновение ударил в обратном направлении, в спину – и ветер стих.

Поднимаясь по лестнице, Кирилл заглянул в сумку... с виду на ноутбуке никаких повреждений, но не разбилось ли что-то внутри, пока он сражался с этим лопоухим шпионом и бородатым Пашей?

Надо выбраться из здания как можно быстрее. В голове вроде прояснилось, ноги уже слушались, и он побежал. Панели дневного света в коридоре почему-то не работали. Сверху доносились крики. Он так и не стер логи посещений, и не использовал программу, поставленную на его ноутбук спецами Артемия Лазаревича, – а ведь тот говорил, что это даже важнее, чем похищение инфы с компа Буревой!

Из-за спешки Кирилл свернул не туда и очутился в переходнике между двумя корпусами РТК. Посреди коридора лежал пожилой человек в комбинезоне технической службы, дергался, прижимая ладонь к сердцу, разевал рот и хрипел. В другое время Кир остановился бы, чтобы помочь, но сейчас он не мог позволить себе ни секунды задержки. Он пробежал мимо мужчины, скатился по лестнице и очутился в холле вроде того, с диванчиками и пальмой, через который попал во двор РТК.

Здесь тоже творилось черт-те что. Несколько человек склонились над стонущим стариком, импозантный седой мужчина в дорогом костюме неподвижно сидел на диване, откинув голову и вытянув ноги, из уголка рта его текла тонкая красная струйка. У турникета дежурный орал в трубку радиотелефона, а экран монитора под потолком был залит «снегом» и громко шипел.

Турникет не работал, и Кир просто перелез через него. На беглеца не обращали внимания. Миновав проходную, он толкнул дверь и вывалился наружу.

И застыл, уставившись вверх.

Глава 2

Когда автозак² притормозил, Игорь Сотник, прижавшись плечом к металлическому борту, выглянул в узкое окошко с решеткой. Он был крупным мужчиной – на полголовы выше здоровых парней из конвоя, посадивших его в тюремную машину. Русые волосы, широко-скулое лицо, голубые глаза. Подбородок с ямочкой, желто-рыжие брови и пышные, будто у девушки, ресницы. И россыпь едва заметных веснушек вокруг большого, крепкого носа с горбинкой. Тюремная одежда совсем не шла ему, Игорь напоминал такого былинного богатыря, не хватало только русой бороды, меча со щитом да доброго коня.

Сотник отвернулся от окна, за которым катил большой белый «мерседес», и тут в кузов проникли бледно-зеленые отблески. Взявшись за решетку, он снова уставился наружу. Там происходило что-то странное – прямо над обычной московской улицей горело северное сияние. Изумрудные и бледно-зеленые волны катили откуда-то спереди, навстречу машине. «Это что, новый напалм какой-то? – успел подумать Сотник, и потом самая большая волна накрыла автозак.

По рукам прошел разряд тока, и он отдернул их от решетки. Волосы на голове встали дыбом, затрещали.

Сквозь переднюю стенку кузова донесся удивленный возглас – не то водителя, не то кого-то из конвоиров – потом истошно засигналили. В поле зрения появилась автобусная остановка, где стояли молодая парочка, неряшливого вида старуха со спортивной сумкой, доверху набитой пустыми бутылками, и мальчишка лет двенадцати, что-то сосредоточенно рассматривающий в руках.

Громкое гудение проникло в кузов, изумрудный свет пошел рябью. Игорь нахмурился, ничего не понимая. Они катили словно по дну ярко освещенного аквариума, полного зеленоватой воды. Опередивший тюремную машину «мерседес» показался вновь. В салоне его замигал свет, потом вдруг сработала сигналка – переливчатая сирена, гудки, пиканье и свист провалились в кузов автозака. «Мерс», замигав дальним светом, круто свернул. Молодая парочка и старуха бросились в разные стороны. Мальчишка, судя по всему, переключал треки на своем плеере, от которого к его голове тянулись проводки наушников, и потому не слышал и не видел происходящего. «Мерс», отчаянно сигналив, несясь прямо на него. Стекла в дверцах вдруг опустились, Игорь разглядел перекошенный профиль водителя. Машина, рассекая изумрудные волны, приближалась к остановке и ребенку.

Тот поднял голову, и глаза его стали большими-пребольшими. Он бросился вбок, едва успев спастись; «мерседес» врезался в остановку, а мальчишка оказался прямо перед тюремной машиной. В кабине заорали, автозак круто повернул, мальчишка прыснул к противоположному тротуару. Машину развернуло поперек улицы, которая в результате открылась взгляду Игоря вся, целиком.

Далеко впереди над перекрестком, которым она заканчивалась, висело овальное облако изумрудного тумана. Не очень большое, длиной метров пять и метра три в ширину. Туман завивался кольцами, воронка в центре, где они сходились, быстро кружилась. В нее на глазах Игоря затянуло кошку – шерсть ее вздыбилась и сыпала искрами; дико вопя, кошка пролетела по воздуху и канула в плотном светящемся мареве.

Машина, не только резко свернувшая, но еще и круто затормозившая, начала крениться набок, и перекресток с зеленой воронкой пополз вверх. Она мигнула, испустив кольцевую волну сияния, со всех сторон к ней поволокло людей, киоски, скамейки, машины, урны, словно

² Автозак – автомобиль для перевозки заключенных.

эта штука была дырой в борту космического корабля, и через нее воздух устремился в открытый космос.

Потом автозак тяжело рухнул на тот борт, где находилось окошко, и в кузове потемнело. Сотник растянулся на стене, превратившейся в пол, вцепился в решетку на окне. Мотор стих, снаружи донесся вой ветра. Машину со скрежетом, от силы которого в замкнутом пространстве заложило уши, потащило по асфальту. Кузов затрясся, Игорь ухватился за решетку второй рукой, зажмурился и разинул рот – стон металла и вой ветра становились невыносимы, от боли сводило судорогой челюсти. Взыло еще громче, автозак дернуло, будто он весил не три-четыре тонны, а несколько килограммов, едва ли не швырнуло вперед, но тут машина наткнулась на что-то. От толчка Игорь покатился по стенке. Темноту прорезали лучики света, вой стих. В машину словно тараном ударили, она качнулась в обратную сторону. Стало светлее, и наступила тишина.

Ее прервал далекий крик – кто-то просил о помощи. Визгливо залаяла собака. Игорь на четвереньках добрался до прорехи в том месте, где передняя стенка смыкалась с потолком. От удара клепаный металл порвался, как бумага, переднюю часть машины выгнуло, трещина бежала по стенам и полу. На потолке она расширялась, и Сотник выставил наружу голову. Огляделся, согнул рваный железный край и полез.

Автозак лежал возле перекрестка. В доме неподалеку находился продуктовый магазин с двумя стеклянными витринами: одна глядела на улицу, другая на перекресток. Машина сломала угловую колонну между ними, острый бетонный угол пробил кузов.

В паре метров над асфальтом висела светящаяся изумрудом овальная воронка, а вокруг громоздились подтянутые потоком воздуха сучья, урны, скамейки и несколько машин. Повсюду валялись клочья бумаги, осколки, разорванный пакет, из которого высыпались мандарины, ярко пламенившие на сером асфальте.

Борт кузова поскрипывал и прогибался под ногами Игоря. Он перешагнул с него на широкую боковину кабины. Вовремя эта штука над перекрестком утихла – еще немного, и автозак врезался бы в грудь под ней. Судя по всему, часть людей, находившихся здесь, засосало туда, остальные разбежались. В окнах показывались лица, навзрыд плакал ребенок, где-то неподалеку стонали.

В голове не было ни единой мысли. Даже удивления почти не было – мозг словно завис, работала только часть, ответственная за простейшие движения. Не думая ни о чем постороннем, не пытаясь понять, что это за аномалия висит над асфальтом, куда подевались затянутые внутрь нее предметы и люди, что вообще происходит этим жарким летним днем в Москве, Игорь присел на корточки над дверцей, из-под которой доносились стоны, широко расставив ноги, ухватился за ручку...

И, краем глаза заметив нечто очень странное вверх, поднял голову.

Небо было светло-зеленым, с изумрудным отливом, а еще оно как-то... закруглилось, что ли? Будто весь город накрыл громадный купол из дымчатого салатного стекла. Под ним плыли облака, обычные летние облака, похожие на пышные комья сахарной ваты. Солнце из-за купола светило чуть менее ярко, но было тепло... хотя уже не так жарко, как еще совсем недавно – возможно, купол задерживал часть солнечных лучей.

От изумрудного овала над перекрестком вверх ударила зеленая молния – длинный ветвящийся зигзаг впился в купол и распался на сотню молний поменьше, которые дождем просыпались обратно и растаяли в воздухе, не достигнув крыш.

Внизу снова застонали, и Сотник перевел взгляд на дверь. Бронированное стекло от удара не разбилось. Оно было хорошо затонировано – не разобрать, что внутри.

А вот они меня видят, подумал он, снова взялся за ручку и попробовал открыть дверцу. Ничего не вышло – что-то там заклинило или конвоиры заперлись. Он поднатужился, рванул и отшатнулся, когда дверца распахнулась.

В грудь уперся ствол «калашникова», который держал здоровенный парняга с выпученными покрасневшими глазами.

– Попался, сука?!

С рассеченной губы текла кровь, крупное грубое лицо перекосило – левая скула вспухла после удара обо что-то твердое.

– Ты устроил?!

– Что? – не понял Сотник.

– Назад! Медленно! – Конвоир полез наружу. – Сбежать решил?! Не шевелись, тварь!

Игорь отодвинулся на край кабины, и парень выбрался наверх. В распахнутой дверце было видно, что водитель неподвижно висит на ремне, а второй конвоир провалился в пространство между сиденьями. Он ворочался там и стонал, держась за грудь.

– Степа, как ты? – окликнул первый, сверля Игоря взглядом.

– В грудь мне так шибануло! – донеслось из кабины слабо.

– Ребра сломал?

– Вроде нет.

– Тогда вылезь. А Петр?

– Слушай, по-моему... – показала рука, затем нервное худое лицо. – По-моему, помер он. Башкой сильно ударился... И кровь с виска течет. Боря, это что, побег? То есть эта... попытка побега? Это ж убийца, ему пятнадцать лет дали, он на все способен!

– Ну, тварь поганая! – снова выверился Боря и стволом автомата врезал Сотнику в скулу.

Игорь упал на спину, конвоиры встали над ним. У одного в руках был «калаш», у другого ПМ.

– Совсем свихнулись с перепугу? – Он сел, отирая кровь рукавом. – Думаете, я это устроил?

– Не ты, так сообщники твои!

– И это? – Он показал на светящуюся воронку над перекрестком.

Степа оглянулся первым, и когда повернулся обратно, лицо его дергалось, а глаза округлились.

– Что... что это? – пробормотал он, облизывая сухие губы. – Что там висит?

Боря молчал, разинув рот, пялился на воронку. Зеленого неба пока никто из них не заметил.

Глаза Степы вдруг стали совсем дикими, он присел, подняв пистолет.

– Борька, а если засада?.. – невнятно забормотал он. – Если дружки... Сообщники этого... Его вырубить надо, чтоб не рыпался, и...

Не договорив, он шагнул к Игорю и занес ногу, чтобы врезать ему каблуком по голове, но получил подсечку и упал. Вышедший из ступора Боря с матами набросился на заключенного, заехал прикладом в плечо, ногой – по ребрам. Степа вскочил, бешено вращая глазами. Игорь крикнул:

– На небо гляньте, идиоты!

Оба уставились вверх. Игорь опять сел. Стволы пистолета и автомата были направлены на него, хотя оба конвоира стояли, задрав головы. Против ожидания, на Боря небо произвело впечатление обратное тому, на которое рассчитывал Сотник – конвоир нагнулся и упер дуло ему в лоб.

– Не знаю, как ты это сделал... Ну все, щас я тебя завалю – при попытке к бегству!

За спинами конвоиров из зеленой воронки над перекрестком появился темный силуэт. Сотник прищурился.

На человеке был длинный плащ из чего-то, похожего одновременно на кожу и брезент, противогаз необычной формы, сапоги с тупыми носками. На груди ремень, из-за плеча торчит ствол. На рукаве возле плеча широкая красная полоска.

Он огляделся, стоя на вершине кучи обломков. Обтянутое резиной лицо с двумя тусклыми окулярами обратилось к перевернутой машине, и человек стал спускаться, ловко прыгая по выступам.

– Степа, – сказал Борис, – надо с нашими связаться.

– Смотрите, кто там идет, – произнес Игорь. – Он у вас за спиной, и у него ствол.

– Ты нас за идиотов держишь, урка?! Типа, чтоб мы отвернулись...

– Борька, сзади! – заорал Степа.

Он двумя руками вскинул пистолет. Незнакомец прыгнул в бок, мгновенно выдернув оружие из-за спины. Степа выстрелил, но промахнулся. Гость из воронки уже стоял на одном колене, уперев в плечо приклад ружья. Оно сухо треснуло, от ствола к Степе протянулась алая молния, и конвоира отбросило назад. Он врезался головой в спину Бори, который повалился на Сотника, но сразу откатился в сторону.

Незнакомец в противогазе за эти мгновения ухитрился преодолеть расстояние до кабины и даже залезть на нее. На фоне неба возник темный силуэт, в окулярах противогаза отразились два лежащих человека, взметнулся нож с длинным извилистым лезвием. Незнакомец прыгнул к поднимаемому на колени Боре, а тот выстрелил и попал ему в ногу.

Человек ударил, Боря машинально прикрылся «калашом». Противник сделал неуловимо быстрое движение. Лежащий навзничь Сотник врезал носком ботинка по тому месту на ноге, куда угодила пуля.

Когда незнакомец упал, Игорь резко сел. Боря лежал рядом на спине и корчился, держась за плечо, из которого торчал нож. Игорь рванул его из раны, конвоир заорал, но Игорь этого не слышал, в ушах его стоял шелест ночного дождя, а перед глазами была совсем другая картина: лужи, окоп, свет прожекторов во мгле далеко позади, он сам – на дне рва, и фанатик-смертник, неожиданно прыгающий на Сотника из темноты с ножом в руках. Короткая схватка, барахтанье в грязи... Игорь тогда просто схватился за лезвие и дернул на себя. До костей рассек пальцы – их теперь «крутит» перед сменой погоды – но завладел ножом, чья грязная, скользкая рукоять вывернулась из руки смертника. Перехватил оружие левой и воткнул ему в горло.

Сейчас хвататься за клинок не пришлось, но ударил Игорь в то же самое место – ткнул извилистым клинком под гофрированный «хобот» из грубой черной резины, непривычно широкий, с железной коробочкой на конце.

После этого ночь, дождь, окоп и смертник пропали, и снова вокруг была московская улица, перекресток, светящаяся изумрудом воронка и зеленое стеклянное небо вверху.

Для того, кто получил удар ножом в горло, человек прожил на удивление долго – ему хватило времени и сил, чтоб снова поднять свое ружье и направить его в голову Сотника. Но не хватило на то, чтобы выстрелить.

Степа лежал на спине, и на грудь его было страшно смотреть. Алая молния разворотила ее, не грудь, а пещера какая-то, красный провал в теле, хотя крови нет – внутри все запеклось, прожарилось... Это что, электроразрядом в него выстрелили?

Боря тоже лежал на спине, но живой, хотя извилистый нож оставил в плече рану очень неприятного вида. Он хрипло матерился и пытался зажать ее ладонью.

А незнакомец упал на бок, ноги его свесились в кабину через проем раскрытой дверцы, руки в легких перчатках с обрезанными пальцами были вытянуты по швам. Правая штанина разорвана под коленом, в дыре виднеется что-то вроде кожаного доспеха – изогнутая коричневая пластинка, скорее всего, как-то закрепленная ремнями на лодыжке. В ней и застряла пуля.

Игорь взялся за «хобот», потянул. С железной коробочки соскочила крышка – внутри была зеленая влажная кашка. Она тихо булькала, пузырилась.

Сотник стащил противогаз с головы человека, открыв лицо – серое, очень худое, с запавшими щеками, острым подбородком и продавленным в переносице носом, заросшее щетиной. Коротко остриженные волосы были черными, с необычным металлическим отливом, они каза-

лись жесткими, будто иголки. Из горла текла кровь, но не сильно, при такой ране ее должно быть больше. Кровь эта показалась Сотнику слишком темной – темно-красной и жирной, будто ее с мазутом смешали. И противогаз необычный: резиновая маска с окулярами и хоботом крепилась на голове с помощью пары ремешков, крест-накрест сходящихся на затылке.

Услышав вой полицейской сирены где-то вдалеке, он потянулся к оружию незнакомца. Что за странная штука? Обмотана не то полосками кожи, не то плотной тканью, с длинной густой бахромой. Она заколыхалась, когда Игорь поднял ружье. Кожаный ремешок с железной пряжкой. А под стволом что, шомпол?.. Нет, не шомпол – металлический штырь, наискось выходящий из цевья, тянулся вдоль ствола так, что дальний конец почти касался его. В том месте из ствола торчала короткая проволочка, ее и штырь разделяла пара миллиметров, не больше.

Сотник осторожно заглянул в ствол. Тот состоял из столбика металлических катушек с аккуратными рядами тусклой проволоки, катушки были нанизаны на тонкий стержень из голубоватого камня, похожего на мрамор, но с необычным стеклянным отливом. Он, что ли, испускает молнию? Что за минерал такой... Игорь уже не сомневался: это *разрядник*. После нажатия на спусковой крючок между «шомполом» и проволокой проскакивает искра, и тогда из стержня между катушками вырывается алая молния.

Получается, он держит в руках электроружье?

Боря захрипел, и это вывело Игоря из ступора.

Он вскочил, перекинув через плечо ремень оружия.

Звук сирены стал громче. И не одна там была сирена – вторая звучала где-то позади, а третья справа, за домами. Вокруг кричали, плакали, по площади кто-то опасливо шел к зеленой воронке, из магазина выбирались ошалевшие люди.

Сотник знал это место – его квартира была кварталах в десяти-двенадцати отсюда.

Он сунулся в кабину, быстро осмотрев ее, достал валяющийся позади кресел плащ-дождевик, снова выпрямился. Глянул на мертвого Степу, на дергающегося Бориса, на незнакомца. Посмотрел на изумрудную воронку и на небо, по которому бесшумно скользнула длинная ветвящаяся молния.

Игорь Сотник был человеком приземленным. Никогда не любил фантастику, отродясь не верил в инопланетян, чертей, экстрасенсов, телепатию, сглаз и ведьм – ни во что не верил, хоть немного выходящее за рамки обыденного. И сейчас он не думал о том, что это за серолицый человек в противогазе и откуда взялась светящаяся воронка над перекрестком. Он размышлял о другом: произошло что-то плохое. Скоро начнется паника – да нет, какое там «скоро», если происшествие на перекрестке и странную воронку видели пока немногие, то небо, этот удивительный зеленый купол заметили все – значит, паника уже началась. А что такое паника в крупных городах? Он видел ее в Батуми и Тбилиси – это было страшно.

Надо бежать домой, чтобы как можно быстрее вывезти своих из Москвы.

Вверху зарокотало, и он поднял голову. Сработали рефлексy: Игорь присел и, схватив автомат конвоира, прицелился в летящий низко над крышами гражданский вертолет. Летел тот как-то криво – так бывает, если реактивная граната попадет в хвостовую штангу и повредит малый винт, но тут граната ни при чем, дыма-то нет.

Корпус под бешено рубящими воздух лопастями начал вращаться, и Сотник вскочил. Вертушка врезалась в жилой дом на высоте пятого этажа, пробила его и застряла наполовину внутри, наполовину снаружи. Посыпались обломки кирпичей, дым и языки пламени поползли вдоль стены, облизывая окна.

На другом краю перекрестка показалась полицейская машина с мигающими огнями на крыше. Игорь повесил автомат за спину, схватил пистолет Степы и вытащил из пенала на кобуре запасной магазин. Надел плащ мертвого водителя автозака поверх «калашников» и,

локтем прижимая электроружье к боку, спрыгнул с кабины. До квартиры, где находились его жена Тоня с больным отцом, отсюда добираться меньше часа.

Глава 3

Интересно, какую площадь он накрывает?

Кир остановил «копейку» на краю Садовнической набережной, вышел и поднял лицо к небу, зажав в зубах сигарету. Снизу трудно понять, но кажется, что самая высокая часть купола находится где-то позади – то есть над научным центром в Подольске, правильно? И, судя по изгибу этого зеленого не-пойми-чего, купол закрыл всю Москву с большим куском области в придачу. От Подольска до... ну, скажем, до Пироговского водохранилища, за Шереметьевом, которое, возможно, возле северной границы купола. Говорили ведь ученые перед началом эксперимента что-то про коэффициент, равный шести, – возможно, это значит, что теперь диаметр купола равен шестидесяти километрам? Может, ерундовая догадка, а может, и правильная, все равно точно сейчас не подсчитаешь. Выходит, если взять Подольск за центр круга, а Пироговское водохранилище – за северный его край, то южный... Кир представил себе карту Московской области и решил, что с юга купол простирается примерно до Серпухова. А что с запада и востока? Бронницы, Наро-Фоминск? Черт знает, он не мог вспомнить.

Хваленая дорогушая «инфинити» последней модели просто не завелась, в Подольске пришлось позаимствовать эту жуткую тачку, стоящую на краю тротуара с распахнутой дверцей, – водитель, должно быть, когда все началось, с перепугу чухнул куда-то.

А собственно, что началось? – подумал Кирилл, садясь в машину и трогаясь с места. Что конкретно произошло? Эксперимент пошел наперекосяк после того, как упал трансформатор и порвались провода, выходит, это Кирилл виноват в происходящем? Или виновница – пуля, выпущенная лопухим шпионом?

Слева тянулся Водоотводный канал, справа – невидимая отсюда Москва-река. По набережной между остановившимися машинами катило только всякое старье, вроде той тачки, в которой он сидел, ни одной дорогой иномарки. Вышли из строя все автомобили с более-менее сложной электронной начинкой, так получается?

В другое время года он бы просто не смог доехать сюда – бесполезный транспорт забил бы улицы. Но летом, да еще при такой жаре, Москва наполовину опустела: и людей, и автотранспорта было гораздо меньше, чем обычно.

Прикуриватель не работал, пришлось выуживать зажигалку из заднего кармана джинсов. Кирилл сунул окурок в пепельницу, зажег новую сигарету. Так или иначе, кто бы ни был виновен в произошедшем, Кирилл ехал обратно, в Москву. А что еще делать? У него было задание, часть его он выполнил, теперь надо доставить информацию Артемию Лазаревичу. Ну а дальше... Вот что дальше, Кир совсем не понимал. Как-то до сих пор все его планы на будущее не учитывали накрывший столицу зеленый купол, в котором иногда бесшумно проскакивают огромные, длиной в десятки километров, ветвистые молнии.

Хотя, пожалуй, одно все же ясно: после «Старбайта» надо валить из города. Только вот что, если Айзенбах просто не отпустит Кирилла? Может, не стоит к нему теперь ехать?

Он подался вбок, выглядывая в окошко. По улице, быстро обгоняя «копейку», катил бронетранспортер с пулеметом, за ним два тентованных грузовика. Внутри солдаты, наверное? Куда это они? А машины какие-то совсем старые, и где они их откопали...

Что вообще происходит?

Он ничего не понимал. Впрочем, как и все люди вокруг. В Москве царил хаос: большинство машин замерли, иногда Кир проезжал мимо тел на тротуарах, над одними хлопотали прохожие, на другие не обращали внимания. Поначалу он не мог сообразить, кто это там лежит, потом заметил, что большинство – пожилые, припомнил старика в переходнике между корпусами РТК и сделал вывод: это те, у кого сердечные стимуляторы. Их в последнее время по Москве стало много, когда недорогие, но качественные приборы начала выпускать одна

столичная фирма, открытая совместно с японцами. А теперь стимуляторы вырубались, как и электроника его «инфинити». Этим же объяснялись неработающие светофоры. То есть некоторые все же работали, но явно сбоили. Мобильник не пашет... и лэптоп, значит, тоже? Кирилл все не решался достать его, проверить. Лучше привести машинку к заказчику, вручить ему и сказать: вся инфа там, а как ее оттуда выуживать, это уж вы сами решайте.

Кирилл гнал автомобиль в сторону Кремля. Дальше, за станцией метро «Прспект Мира», находился офис «Старбайта».

Кроме всяких «копеек», «жигулей» и древних иномарок ездили еще велосипеды да мотоциклы старых моделей. Горожане вывалили на улицы – еще бы, у них ведь небось телики отключились, радио, ксероксы в офисах, сервера, компы... И все равно людей было не слишком много. В другое время года улицы запрудили бы толпы, но не сейчас.

Из подземного перехода, в котором находился выход из метрополитена, вдруг с криком побежал народ. Люди падали, бегущие за ними спотыкались о тела, перепрыгивали... Следом покатились волны изумрудного света, и Кирилл от удивления разинул рот. Это что же получается – «галактика» появилась в переходе?! Ну дела! А ведь метро тоже остановилось, сообщил он, там же сплошная электроника! Но откуда под землей взялась изумрудная воронка? Может, эксперимент привел к тому, что они теперь в разных местах будут возникать?

Между домами показались несколько полицейских, мчащихся навстречу толпе. Форменная рубашка на одном была порвана, подол ее выбился из брюк, левый погон телепался на ниточке.

Переход остался позади, и Кирилл трижды резко повернул, объезжая стоящий джип и два седана. Докурив сигарету, затолкал окурки в пепельницу. Датчик показывал, что топлива в баке на самом доньшке – хватит до «Старбайта» или нет? А может, не ехать все-таки туда, может, сразу к себе на квартиру, взять документы, деньги, а после вон из Москвы?

Он крутанул руль, сворачивая на Садовнический проспект, – и ударил по тормозам, увидев, что посреди него лежит на боку, упершись в асфальт лопастью, большой военный вертолет с подломленными шасси. Спина к нему застыли, подняв оружие, три человека в военной форме. Хвостовая штанга продавила крышу небольшой легковушки, смяла ее в гармошку, рядом на асфальте лежала женщина, над ней присел четвертый вояка. Перед вертолетом стояли с десятков машин – не проехать.

Кирилл газанул, выворачивая руль, и покатил дальше вдоль канала. На другом берегу над крышами поднимался столб дыма – пожар где-то за Овчинниковской набережной. А вон, дальше, еще один, это в районе Пятницкой... И еще, далеко впереди, за Москвой-рекой – да там вообще серьезно горит, вон какой дымара!

С протяжным гудком мимо, в обратном направлении, пронеслась «ява» с коляской. В ней сидели двое детей, управлял взъерошенный мужик, за поясицу его обхватила женщина, на багажник позади были навьючены сумки. Следом проехал двухдверный «форд» с открытым багажником и выпирающим из него огромным чемоданом, потом – целое семейство на спортивных велосипедах. Это, наверное, такой инстинкт у людей: в случае опасности бежать из города. Кто порасторопнее, тот уже из Москвы рвется, а он наоборот... Нет, ему к Артемию Лазаревичу точно надо! Тот ведь из-под земли достанет и отбивную с кровью из Кира сделает, то есть не сам Айзенбах, а Лагойда. Полтора года назад тот пристегнул Кира наручниками к трубе и с удовольствием, явно читавшимся на щекастом лице, бил вплоть до появления шефа, делая это так, чтобы не оставлять следов, синяков под глазами или сломанного носа – все больше по почкам да по печени...

Кирилл съезился на сиденье и втянул голову в плечи, припомнив этот эпизод своей жизни. До того они с матерью ютились в крошечной квартирке в Ногинском районе, мать сильно болела – и ему очень хотелось вырваться из почти нищенского существования, в котором они находились. Когда тебе нет и восемнадцати, добиться чего-то еще очень сложно...

Но можно. Надо хоть что-то уметь. А он умел – вернее, только-только постиг азы. Первыми мелкими аферами, связанными с индустрией сетевых азартных игр, всякими интернет-казино и игорными домами, Кирилл заработал денег, чтобы поступить в МГУ. А еще смог покупать дорогие лекарства и нанять сиделку. Мать, уже почти не встававшая, радовалась, что сын нашел хорошую работу в столице, причем такую, которая оставляла время на учебу. Он соврал ей, что устроился программистом в международную фирму...

...И он действительно туда устроился. Но позже, когда мать уже умерла, и Кир, продав квартиру, снял другую, побольше, в Богородском. Решив, что хватит заниматься мелкими хакерскими взломами, он по поддельному паспорту поступил на работу в московское отделение консорциума «Старбайт» на должность младшего программиста в подотделе мониторинга международного рынка ценных бумаг. По его подсчетам, примерно две недели нужны были, чтобы вытащить из секретных недр хорошо защищенной корпоративной локалки нужные коды и увести деньги с одного из счетов консорциума.

Кирилл рассчитывал стать обладателем пяти с половиной миллионов долларов. Как раз были зимние каникулы, и он собирался управиться до начала занятий, а после, как ни в чем не бывало, вернуться к учебе, выполняя предсмертный завет матери, закончить универ.

Но не срослось. Оказалось – вот те на! – что служба внутренней безопасности консорциума следила за ним с того самого момента, как он устроился на эту работу. Что Артемий Лазаревич, видевший за компьютерным шпионажем большое будущее, уже знал про юного московского хакера, что он даже выписал из-за границы двух спецов, которые организовали такой плотный интернет-надзор, что каждый сетевой шаг Кирилла, каждый его клик был теперь известен Айзенбаху. И даже в съемной квартире Кира висели мини-видеокамеры с прочими «жучками».

В общем, его взяли, как говорится, с поличным, после чего Лагойда хорошенько обработал его, а затем Артемий Лазаревич доступно объяснил: либо Кира убивают прямо в подвале московского отделения и там же закатывают в бетон, либо он работает на Айзенбаха. За деньги работает, за хорошие деньги, Артемий Лазаревич своих спецов любого профиля оплачивает щедро. Но – служит отныне Кирилл только ему. Никакого самовольничанья, никаких левых контрактов, олигарху совсем не хотелось, чтобы его человек спалился на попытке выкрасть несколько миллионов из какого-нибудь западного банка и следствие потом установило, что преступник был связан со «Старбайтом».

Вот так все и началось. После первого знакомства с краснощеким Лагойдой Кирилл и стал заниматься катаной, уяснив, что профессия хакера тренирует мозги, но не тело.

Он проехал мимо окруженного толпой полицейского, который что-то кричал людям, тыча пальцем в кнопку ручной радиостанции. Потом – мимо нескольких стоящих машин с включенными сиренами. А ведь та военная колонна, давно укатившая вперед, двигалась в сторону Красной площади. Интересно, как у них броневик завелся? Хотя с виду какой-то неказистый был броневичок, допотопный. Может, вытащили его откуда-то со склада, списанный...

Старенькое радио в «копейке» шипело и плевалось помехами. Сворачиваем на улицу Балчуг, потом берем влево – на Лубочный переулок, и потом сразу опять вправо. Впереди раскинулся Москворецкий мост, и Кирилл увеличил скорость, рискуя, что «копейка» просто рассыплется от натуги. Этот проезд был свободен, то есть по нему спешили люди, но для машины препятствия не было. Кир еще поднажал. Какая-то женщина бросилась с тротуара чуть не под колеса, размахивая руками и призывно крича. «Копейка» вильнула, объезжая ее.

За домами, в той стороне, куда уехала военная колонна, что-то начало взрываться. Да бодро так, с огоньком. То есть в прямом смысле – далеко впереди мелькнули языки пламени. Съехав с моста, Кирилл притормозил, до середины опустил стекло и выставил наружу голову. И услышал сквозь шум мотора звуки выстрелов. Потом пространство между домами прочертили алые линии – будто тонкие прямые молнии били там.

Вскоре они пропали. Позабыв про «Старбайт» и Артемия Лазаревича, Кир вдавил газ, и древний движок сипло взвыл. Выстрелы стихли, зазвучали снова. По тротуару и по проезжей части навстречу бежали люди. Нарушая все правила, Кир повернул влево – и выкатил на Васильевский спуск.

По правую руку был собор Василия Блаженного, по левую Кремль. А между ними, низко над Красной площадью, висела большая изумрудная воронка – очень большая, гораздо крупнее той, что появилась в лабораторном зале. Составляющие ее дымные кольца вращались. Какие-то силуэты возникали из зеленого марева, сначала расплывчатые, они быстро становились четче – горбатые не то звери, не то машины, еще – фигурки людей, и все это двигалось, выходило из воронки, растекалось вокруг нее.

Ближе к Васильевскому спуску стоял знакомый броневик, башня его дымилась. Рядом горел перевернувшийся набок старый военный грузовик, вокруг лежали тела. Со стороны ГУМа звучали выстрелы. В здании магазина засели солдаты и стреляли по тем, кто появлялся из зеленой воронки, в ответ воздух прошивали алые молнии. Сухой треск и стук выстрелов сливались в шум того, чему до сих пор Кирилл Мерсер еще никогда не был свидетелем, – в шум боя.

Глава 4

Паника распространилась очень быстро, как Игорь и предвидел. Изумрудный купол кого хочешь напугает, а когда в Москве накрылись телевидение и сотовая связь, ему все окончательно стало ясно. Тем более, в некоторых местах начались пожары. Да еще и пальба, отзвуки которой доносились со стороны реки... В общем, кризисная ситуация налицо. Не иначе – начало войны, враг нанес удар по столице. Наверняка так решили большинство горожан. В подобных ситуациях у немногих людей открываются их лучшие стороны, смекалка, рассудительность, умение принимать верные решения в критических обстоятельствах, у других, наоборот, просыпаются худшие черты, агрессивность и злоба, а три четверти населения просто теряются, не понимая, что делать, паникуют и ждут указания властей.

Игорь бежал всю дорогу и только возле дома перешел на шаг, увидев, что двери небольшого продуктового магазина на первом этаже сломаны. Изнутри донесся визгливый крик, потом там что-то разбилось. Наружу выбежал мужик в драном пуховике явно с чужого плеча, трениках с пузырями на коленях и растоптанных кроссовках без шнурков. Прижимая к груди несколько бутылок водки, он рванул прочь по улице, а следом ломанулся еще один бомж – у этого в руках были палка колбасы и батон.

Из магазина показалась продавщица, а дальше Игорь не видел. Он нырнул в арку возле магазина и во дворе за ней увидел дворника Юсуфа, открывающего двери своей железной будки возле гаражей. На звук шагов Юсуф оглянулся и заморгал на Сотника узкими монгольскими глазами. Что произошло с мужем Тони со второго этажа, все в доме, конечно, уже знали. Дворник удивленно потер ладонью щетинистый подбородок, но ничего не сказал и снова повернулся к будке.

Миновав два пролета, Игорь плотнее запахнул дождевик, чтобы не напугать Тоню висющим под ним оружием, и потянулся к звонку. Но не нажал – дверь была приоткрыта.

Он сдвинул рукоять ПМ в кармане. Толкнул дверь и вошел.

Выпавшие из блокнота бумажки на паркете, какой-то мусор, а вон свалившаяся с вешалки куртка... Жена его была аккуратисткой, в доме всегда ни пылинки, каждая вещь на своем месте – что означает этот беспорядок? Здесь что, был обыск?

– Тоня! – позвал он. – Тоня! Леонид Викторович!

Двухкомнатная квартира была пуста. Кровать не застелена, одеяло смято, подушка вообще на полу лежит. Шкафы раскрыты, половины вещей нет. Сотник вошел в другую комнату, где жил тесть, – то же самое. Он поспешил на кухню.

Посреди кухонного стола лежала придавленная стаканом записка. Игорь схватил ее.

Торопливый почерк:

«Игорек! Я не знаю, прочтешь ты это или нет! Что-то плохое началось, не понимаю, что происходит. Папа говорит: война. За нами пришли дядя Миша с Леной. Они нас забирают, едем в Огурцово. Люблю тебя! Целую! Пожалуйста, приезжай, если сможешь. Я не смогла дозвониться до суда, чтобы узнать как...»

Следующее слово неразборчиво, заканчивалось оно продавленной в бумаге кривой линией – и Сотник вдруг отчетливо представил себе, как живущий в соседнем подъезде бывший милиционер дядя Миша, старший брат Тониного отца, еще крепкий, высокий, худой, решительный и донельзя самоуверенный, схватил ее за руку и потащил вон из квартиры вслед за женой, которая выводила его брата.

У Миши старая «тойота». И поехали они в деревню, где дом их отца, покойного деда Тони. Это в двухстах километрах от МКАДа.

Надо за ними.

Но прежде он зашел в комнату тестя и включил телевизор. Отыскал дистанционку в складках одеяла, стал щелкать. Первые пять каналов – ничего, мертвый черный экран. По шестому шел «снег», белая шипящая пелена.

Снаружи донесся слабый крик, возгласы и звуки ударов. Во двор выводило окно кухни, и Сотник бросился туда. Выглянув, побежал на лестницу, даже не заперев дверь. Слетев по ступеням, выскочил во двор – там трое наголо бритых парней в камуфляжных штанах и майках били Юсуфа.

Дворник, успевший раскрыть будку, где стоял старый «Иж», лежал на боку, коленями прикрывая живот, а руками – голову. Парни молотили его довольно умело, двор наполняли неприятные чавкающие звуки, сопение и стоны.

– Прекратить! – гаркнул Сотник, шагая к ним.

Бритые оглянулись.

– Отвали! – бросил через плечо самый здоровый, с большой серебряной цепью на шее. На цепи висел православный крест такого размера, что еще немного, и на нем действительно можно было бы кого-нибудь распять.

Они снова повернулись к Юсуфу, пытавшемуся заползти в дворницкую, и здоровяк врезал ему носком ботинка по затылку.

Откинув полу плаща, Игорь выставил из-под него ствол «калаша» и дал короткую очередь им под ноги. Пули взломали старый рыхлый асфальт. Двое отскочили, здоровяк развернулся, выхватил из кармана телескопическую дубинку, раздвинул.

– Брат, – начал он, приглядевшись к Сотнику, – ты же русский, я вижу. Чего за чурку заступаешься? Ты не видишь, что они нам устроили?! – Он ткнул пальцем в бледно-зеленое небо, по которому высоко над крышами бесшумно скользнула изумрудная молния.

Сотник, подняв ствол выше, кивнул:

– Я-то русский, а ты – чмо подзаборное. Пошли вон отсюда!

Здоровяк, ощерившись, качнулся к нему, и тогда Игорь дал одиночный ему в колено.

Когда остальные двое уволокли ревущего от боли, навсегда охромевшего жожака, Сотник подошел к Юсуфу. У дворника на виске была большая ссадина, на затылке волосы потемнели от крови, нос и губы разбиты. Игорь втащил его в дворницкую, посадил под стеной, присел рядом и сказал, заглянув в мутные глаза:

– Извини, не могу тебе сейчас помочь. Мне жену надо найти. Она беременная, ее увезли... Должен их догнать. Поэтому я твой мотоцикл возьму, ладно?

Он выпрямился. Юсуф что-то попытался сказать, подняв руку, потянулся к Сотнику, и тот побыстрее отвернулся, чтобы не видеть этого. Сжал зубы до боли в челюстях. Чем он от тех бритых отличается, если бросает тут раненого старика, мотоцикл его забирает? Вполне возможно, что на смерть бросает, ведь неизвестно, что будет дальше в Москве, а без своего «ижа» Юсуф отсюда, наверное, не выберется...

Тем отличается, что у него жена с послеинфарктным отцом на руках и ребенком в животе.

Подумав об этом, Игорь с ожесточением завел мотоцикл и выкатил из гаража. Повернул в арку, пронесся через нее и снова резко повернул.

Он без приключений миновал несколько кварталов, пока перед ним из арки жилого дома на дорогу не выехала дизельная машина. Что она именно дизельная, можно было судить по черным выхлопам, воняющим соляркой. Выглядела машина необычно: сколоченная из досок и листов железа телега с высокими бортами, вместо руля – длинный, изогнутый в виде буквы «Г» рычаг. Сотнику почему-то на ум пришло слово «тачанка».

В дизельной тачанке находились трое: впереди водитель, сзади, за пулеметом с толстым стволом, стрелок, а посередине, в накрытом шкурами кресле, облаченный в меха толстяк. Первые двое были одеты во что-то темное и кожаное, лица скрыты под противогазами вроде того,

который Игорь уже видел. А на толстяке – темно-красная маска с большими окулярами и очень толстым коротким «хоботом», напоминающим кабанье рыло. В руках его было электроружье с необычайно длинным стволом.

Игорь, несшийся прямо по середине пустой улицы, начал тормозить. Человек в кресле заметил его, поднял ружье. Стрелок навалился на пулемет, разворачивая его. И автомат и электроружье остались под плащом, у Сотника не было времени доставать их – выжав рукоять газа, он резко повернул. Прямая алая молния прошла воздух у плеча, он пролетел мимо тачанки и нырнул в арку, из которой она появилась.

Сзади донесся глухой возглас, застучал пулемет, но Игорь уже преодолел арку и снова повернул.

Он пронесся через большой двор, выскочил в просвет между домами на другой стороне и увидел впереди хвост большого отряда. Замыкала его пара животных размером с быка, с короткими кривыми рогами и тремя горбами на спинах. Между горбами сидели люди в противогазах, передний держал вожжи, привязанные, насколько смог разглядеть Игорь, к концам рогов. Чуть впереди ехала почти точная копия дизельной тачанки, только накрытая покатым железным колпаком с прорезями, из которых торчали стволы. Между животными и машиной шли, растянувшись большим полукругом, люди в темной коже, и гнали перед собой толпу москвичей.

Игорь поднажал. Несколько чужаков оглянулись. От толпы отделился молодой парень в джинсах и майке, рванул в сторону, под прикрытие растущих на краю улицы деревьев. И тут же в спину ему впиалась алая молния, показавшаяся Игорю более слабой, тонкой и бледной, чем та, которой выстрелил в него толстяк на тачанке. Беглец рухнул лицом вниз. Несколько чужаков направили стволы на Сотника, и он снова повернул.

После этого люди в противогазах на глаза ему долгое время не попадались, зато он дважды проезжал мимо изумрудных воронок, причем одна висела далеко вверх, над крышей шестнадцатиэтажного дома, а вторая, совсем небольшая, приткнувшись над тротуаром возле пешеходного перехода, подернулась мутной рябью, свернулась в клубок и пропала прямо на глазах Игоря.

Свернув в очередную арку, он увидел двух бегущих навстречу парней в камуфляже, бронежилетах и касках, с автоматами. Один, веснушчатый, тащил на спине катушку, разматывая провод, другой нес телефон, старый добрый армейский ТА-57. Игорь резко затормозил, соскочил с мотоцикла.

– Стой, боец! – он схватил конопатого за рукав. – Что происходит? Кто напал?

Они подняли автоматы, и Сотник сильно хлопнул по одному стволу ладонью.

– Кто нас атакует?! – повторил он. – Доложить по уставу!

Командирский тон сработал. Связисты опустили оружие, подтянулись.

– Ты, – Игорь ткнул пальцем в телефониста, – на улицу! Наблюдать! А ты докладывай. Кто на Москву напал?

– Не знаем... Мы связь тянем. Радио отрубилось.

– А коммутаторы? Коммутаторы между частями! По Москве их столько...

Конопатый мотнул головой. Видно было, что ему не до того, и он докладывает лишь потому, что у незнакомого мужика армейские замашки – вдруг окажется какой-нибудь подполковник, если сейчас послать его, потом проблем не оберешься.

– Не пашут! Бронетехника – и та встала, не заводится!

– Кто противник? Численность, как действует?

– Неизвестно... – начал связист и запнулся. Сглотнув, ссутулился, весь как-то сморщился, будто воздушный шарик, из которого вышел воздух, и тогда стало видно, как на самом деле напуган и растерян боец. – Никто ничего не знает. Противник... эти... они первым делом военные объекты зачищают. Мы из части еле прорвались. Они нас окружили, мы оборону

заняли согласно боевого расчета... Посыльные командиров не вернулись – никто! В части только дежурный командует, он вообще голову потерял...

– Серега! – позвал телефонист с улицы.

– Товарищ... Э...

– Капитан, – машинально ответил Сотник, пытаясь переварить сбивчивый доклад связиста.

– Товарищ капитан, у нас боевая задача. Нам в генштаб надо, мы провод туда тянем. Связь нужна!

– Свободен! – Игорь махнул рукой, и боец кинулся на улицу, придерживая на задку бряцавшую катушку.

Игорь снова уселся на мотоцикл. После этого были кварталы, станции метро, парк, бегущие люди, аварии, паника, хаос... Когда уже начало вечереть и стало ощутимо прохладней – хотя температура понизилась еще раньше, вскоре после появления купола – он увидел канал, мост и «тойоту» дяди Миши под ним.

Дорога впереди поворачивала, наклонно сбегая по гребню длинной кривой насыпи, и достигала моста, который находился сейчас внизу слева от Игоря. Чтобы попасть туда, надо было либо спуститься по крутому земляному склону, либо ехать по асфальту, следуя плавному изгибу дороги.

«Тойота» стояла поперек нее с раскрытым капотом, преградив путь древнему «икарусу», в окнах которого маячили лица людей. Дверь со стороны водителя раскрыта, перед ней – дядя Миша с ружьем в руках.

Игорь привстал, увидев это. Ну да, Миша ведь охотник, имеет разрешение на оружие. Мотор у него перегрелся, и он не долго думая тормознул автобус, под прицелом ружья заставил водителя принять новых пассажиров.

А вот и Лена ведет под руку отца Тони...

Потом появилась и она сама – выскочила из-за автобуса им навстречу, должно быть, переносила сумки из «тойоты». Округлившийся живот ее был виден даже отсюда. Тоня бросилась к тетке, подхватила отца с другой стороны. Игорь поднажал. За мостом, возле березовой рощи, что-то мигнуло зеленым, и он уставился туда. Раньше овальная воронка была скрыта деревьями, а теперь предстала взгляду – как и отряд чужаков, что приближался к противоположному концу моста. Некоторые шли пешком, другие ехали на горбатых животных.

Лена и Тоня с отцом почти обогнули автобус.

– Стойте! – заорал Сотник. – Миша! Тоня! Стойте!!!

Троица исчезла из виду. Игорь, не прекращая орать, до предела выжал газ. Дядя Миша оглянулся, поднял голову, и он замахал рукой, приподнявшись, – нет, не увидит, дядя близорукий, но носить очки считает ниже своего достоинства.

Погрозив водителю ружьем, дядя Миша побежал вокруг автобуса.

За каналом отряд чужаков достиг дороги. Две пары животных, но не таких здоровых, как те, что шли позади толпы москвичей, у этих было по два, а не по три горба. Примерно с десятка пешех и тачанка-броневик, то есть телега, накрытая железным колпаком. Над ним выступала квадратная башня, из которой торчал ствол.

Автобус тронулся с места и стал объезжать «тойоту».

– Подождите!!!

Сжимая рулевую вилку одной рукой, Игорь расстегнул плащ и выставил автомат из-под полы.

Миновав брошенную машину, автобус поехал по мосту, и тогда Сотник резко сменил направление. Слетев с края дороги, мотоцикл понесся по крутому земляному склону – напрямик к мосту, подпрыгивая на кочках. Ветер засвистел в ушах, все вокруг закачалось, затряслось.

Когда он вырулил на мост, автобус уже достиг его середины.

Игорь не увидел, что произошло. До него лишь долетел раскатистый звук, как бывает, когда издалека слышишь орудийный выстрел. Автобус круто свернул. Вдоль его бортов поток воздуха распластал языки дыма.

Пробив ограду, автобус тяжело перевернулся через край и упал в воду.

Игорь с криком повернул за ним. Такая машина не утонет за несколько секунд, внутри воздух, и пока он выйдет наружу...

Мелькнула алая спица, заднее колесо мотоцикла взорвалось.

За спиной металл заскреб по асфальту, взлетел фонтан искр. Игорь оттолкнулся, чтоб не придавило ногу, мотоцикл упал набок, и он покатился в сторону. Вскочил, услышал звук выстрелов и снова упал. На локтях подполз к мотоциклу, прикрываясь им, выставил автомат, дал очередь. Надо прыгать за автобусом, но до края моста несколько метров, а он здесь, как на ладони!

Патроны в магазине закончились. Скинув плащ, Игорь передвинул из-за спины электро-ружье и попробовал подняться, но воздух вокруг прошили пули. Так у них не только электрическое оружие, но и обычное! Он снова приподнялся, но тут алая молния ударила в мотоцикл, и кожаное сиденье разлетелось ворохом обугленных лепестков.

Автобус тонет! Вместе с Тоней и ребенком!

Он вдавил спусковой крючок чужого оружия, которое все это время висело под плащом на левом плече, – курок оказался непривычно тугим, а выстрел произошел с задержкой примерно в секунду. Алая молния вонзилась в бок горбатого животного, и тот прорвался, как слишком туго набитый мусорный пакет. Какая-то влажная бурлящая каша вывалилась из него. Животное глухо замычало, передние, потом задние ноги подогнулись. Сотник вскочил, подняв мотоцикл, поволок его к краю моста, пригнувшись, прячась за машиной. Переднее колесо исправно крутилось, сзади крыло скрежетало по асфальту. Мотоцикл содрогнулся, когда в него попали сразу два разряда, и рассыпался под его руками, но Игорь был уже на краю и прыгнул.

Автобус почти затонул, из воды торчал только край кузова. Он оказался прямо под Сотником.

В последний момент он поджал ноги – и врезался в металл коленями. Боль прострелила бедра, позвоночник, добралась до черепа, взорвалась перед глазами фейерверком искр. Взбурлил воздух, и автобус пошел на дно. Игорь закричал, захрипел, ударяя по воде руками. Мир потемнел, он тоже начал тонуть. Быстрое течение понесло его прочь от моста.

Глава 5

Про Артемия Лазаревича он больше не думал – слишком невероятные события происходили вокруг.

Стемнело, на Красную площадь прибыли еще военные, а вышедшие из «галактики» люди заняли круговую оборону. Чтоб не схлопотать шальную пулю, Кирилл укрылся в подъезде многоэтажного дома, откуда выглядывал сквозь разбитое окно в двери.

Ночью зеленый купол пригас и цветом стал напоминать влажную тину. Молнии изредка вспыхивали вверху, похожие на колоссальные деревья с толстыми извилистыми стволами, которые распадались на пышные кроны разрядов и осыпали московские крыши дождем изумрудных стрел.

В темноте овальная воронка над Красной площадью мягко светила, волны сияния пробегали по мостовой и по лагерю появившихся из зеленой «галактики» чужаков. Про себя Кир окрестил воронку порталом, потому что... ну, в конце концов, потому что смотрел же он голливудские фильмы и читал какие-то фантастические книжки, пусть и не очень много. И понимал: сейчас фантастика вторглась в реальность, прямиком в его жизнь.

Чужаки действовали слаженно, будто проделывали подобное уже много раз. Кириллу показалось, что даже порядок их прохождения через портал был неслучаен и отработан заранее.

Вначале, насколько он смог понять, хотя произошло это еще до его появления на Васильевском спуске, из портала возникли несколько небольших машин, издавая напоминающих телеги с высокими бортами, но без лошадей. На каждой стоял пулемет. Вместе с телегами появились пешие, они рассыпались вокруг воронки, защищая ее от атаки военных, прибывших на грузовиках.

Под прикрытием этого мобильного отряда выехали броневики – те же телеги, но побольше и накрытые железными колпаками. Броневики поставили вокруг портала, из бойниц в железных бортах началась стрельба.

К тому времени появились еще солдаты. Кир подумал, что если бы электроника действовала, тут налетели бы уже вертушки, а то и самолеты, и от лагеря чужаков осталась бы дымящаяся дыра в мостовой. Но отсутствие тяжелой техники было пришельцам очень на руку.

Между броневиками они быстро расставили квадратные щиты на подставках. Ночь накрыла Москву, над городом гремела канонада. Обычная иллюминация на площади не работала, и видно было плохо. Отдельные вспышки озаряли место сражения, по Ильинке подтянулись новые грузовики с солдатами, и вдруг по лагерю чужаков начали вести огонь со стены Кремля и из Спасской башни. Может, какой-то внутренний кремлевский гарнизон? Кирилл не знал, как там охраняется Кремль и сам президент.

Хотя ведь президент сейчас не здесь, вспомнил он. Вместе с премьер-министром и кем-то там еще из правительства укатил с визитом... черт его знает, с каким-то визитом куда-то укатил – он отродясь политикой не интересовался и новостей по телику не смотрел.

И тут из портала появилось нечто новое.

Сначала на фоне изумрудных волн показалась пара приземистых машин, явно не броневинов... Вскоре стало ясно, что это не машины, а животные. Кир даже голову выставил в окно, наблюдая за происходящим. Твари походили разом на лошадей, быков и верблюдов: длинные ноги, кривые рога, горбы на спинах... Шли они на расстоянии метра три друг от друга, между ними висело выгнутое книзу коромысло, на нем покоился конец длинной балки. Животные, которых вели на поводу двое чужаков, уже шагали по Красной площади, а дальний конец балки все еще оставался в портале.

Наконец из зеленого тумана показалась вторая пара «быков», несущих такое же коромысло, на которое опиралась задняя часть балки. За ними возникли еще несколько упряжей, которые везли другие массивные части – вот только части чего, Кирилл пока что понять не мог.

Да это же катапульта! Да еще и с двигателем! Чужаки очень сноровисто собрали ее на уложенной прямо на мостовую массивной раме. Взревел мотор, из толстой выхлопной трубы ударил дым, медленно согнулась кривая балка, в глубокой чаше на конце которой лежало нечто большое, угловатое...

Вспыхнул огонь, мотор стих, труба снова выплюнула клуб дыма, и балка с протяжным стоном распрямилась.

В сторону Кремля полетел ком огня размером с мусорный бак. Что это было, Кирилл не понял, но, ударившись о вершину Спасской башни, прямо в окаймленный золотым кругом черный циферблат, ком расплескался липкой жгучей субстанцией. Башня загорелась.

Еще три выстрела – и горело уже на стене Кремля, а потом вспыхнуло и за ней.

Любишь или не любишь ты правительство, как ни относишься к текущей политике, к коррупции и прочим прелестям неразвитой демократии, Кремль остается для тебя центром российской державности, сердцем государства. И пожар в нем, и вид Спасской башни, ставшей огромным факелом, в огне которого едва проглядывает медленно кренящийся набок силуэт звезды, вызывает оторопь, переходящую в ужас, – ощущение конца мира, вселенского Апокалипсиса.

Кирилл был так заворочен этой картиной, боем на Красной площади и пожаром в Кремле, что не сразу обратил внимание на звуки, доносящиеся с другой стороны.

В зеленом тумане проступил массивный угловатый корпус, но он не успел разглядеть, что это там еще пожаловало из портала, – когда к топоту ног и шуму двигателей добавились крики ужаса, повернул голову в другую сторону. От моста бежали люди, за ними катили три «телеги» и «броневик», с них по беглецам стреляли.

Люди падали. Одни, ничего не соображая от ужаса, неслись прямо по середине улицы, другие сворачивали к домам.

Выходит, пришельцы появляются не только из портала на Красной площади. Кирилл ведь видел изумрудные волны, льющиеся из подземного перехода... Значит, через эти небольшие, возможно – временные порталы чужаки тоже могут проходить.

К подъезду, где он прятался, устремились трое: женщина, мальчик лет двенадцати и высокий старик. Следом повернула телега. Кирилл раскрыл дверь и призывно замахал рукой. С телеги выстрелили.

В сражении на Красной площади он видел прямые алые молнии, вылетающие из лагеря захватчиков. Они стреляли какими-то непонятными разрядами, но и не только ими – обычное, «пулевое» оружие у них тоже было, и сейчас чужак воспользовался им.

Вскрикнув, старик упал лицом вниз. Женщина завизжала, споткнулась, мальчишка схватил ее за руку, и они влетели в подъезд.

Тачанка неслась следом. Кирилл захлопнул дверь. Перед ним стояла довольно молодая, хорошо одетая гражданка с массивными серьгами в ушах и ярким макияжем. Тушь потекла, помада смазалась. Ее сын был в костюмчике, белой рубашке и галстук-бабочке.

– Вы кто?! – крикнула женщина.

– Прохожий просто, – поспешно успокоил ее Кирилл. – Вы в этом доме живете?

– Мы на третьем, – ответил мальчик.

– Другой выход есть? Во двор? Да быстрее, эта штука за вами едет!

– Нету, нету!

Кирилл снова выглянул. Телега быстро приближалась. В передней части ее торчал треугольный таран, сваренный не то из рельс, не то из толстых железных «уголков».

Застучали ноги по ступеням; когда Кирилл обернулся, женщина с мальчиком уже бежали вверх по лестнице. Не зная, куда деваться, он бросился за ними и догнал только на третьем этаже, когда женщина трясущимися руками пыталась открыть дверь. Она дикими глазамиглянула на Кира и выронила ключи.

– Мама, дай я! – закричал мальчик, оттолкнул ее и поднял связку. Кирилл, тяжело дыша, остановился рядом.

– Уйдите отсюда! – взвизгнула женщина, и тут по лестнице покатился грохот – телега вломилась в дверь.

– Быстрее открывай! – зашипел Кирилл мальчишке, который тыкал ключом в замочную скважину. – А вы – молчите! Ни звука! Они могут по лестнице за нами...

Мальчик раскрыл дверь, женщина взвизгнула:

– Не входите! Прочь отсюда!

Оттолкнув ее, Кирилл прыгнул внутрь, пихнул мальчика перед собой, развернувшись, схватил женщину за плечи, втащил в квартиру и закрыл дверь. Не захлопнул, а именно закрыл, тихо щелкнув замком.

Снаружи донесся звук шагов. Что-то клацнуло. Еще раз – немного громче. Наверное, оружейный затвор... Пятясь в темный коридор, Кир оглянулся. Большая квартира, трех- или четырехкомнатная, отсюда он видел край просторной кухни, дорогую ковровую дорожку в гостиной, на стене – ходики под старину.

– Тихо все! – шепотом сказал Кир. – Они рядом!

Женщина прижалась спиной к стене, а мальчик зашептал:

– Мы видели, как они людей хватали и бросали в свои машины.

– Бросали в машины? – переспросил Кирилл, отступая вслед за ним в гостиную.

Женщина оставалась на месте и глядела на непрошеного гостя так, словно боялась его больше непонятных людей снаружи. Казалось, она едва сдерживается, чтобы не упасть на пол и не забиться в истерику.

– Идите за нами, – шепотом позвал ее Кир, но она помотала головой и закусила губу. – Послушайте, я такой же человек, как вы, спасаюсь от этих... Вы не меня, а их бойтесь.

Из глаз ее потекли темные от туши слезы, она закусила губу и мелкими шажками пошла вслед за Кириллом и сыном, которые остановились посреди гостиной. Доносящиеся снаружи звуки стихли на площадке третьего этажа.

– Что это значит? – спросил Кир у ребенка. – Зачем они их в машины свои бросают? Малыш, а ты не перепу...

– Сам малыш! – оскорбился мальчик и насупился: – Брат с отцом на рыбалке сейчас, а то бы они этим надрали задницы.

– Костя! – пискнула его мать.

– Я правду говорю! Эти, которые на машинах, они тетью одну схватили и в машину на дно бросили. И там другие люди лежали. Они их в плен берут!

На лестнице стояла тишина, шум на улице под домом тоже стих, но с Красной площади по-прежнему доносились звуки сражения.

– Что с нами будет? – прошептала женщина.

– Мне их цель непонятна, – тихо сказал Кир. – Говоришь, в плен берут? Зачем?

– Чтоб сожрать, – уверенно объявил Костя.

Мать в ужасе уставилась на него.

– Что ты говоришь?!

– И кто это, по-твоему, такие? – уточнил Кирилл.

– Сталкеры, – сказал мальчик.

– Кто? Почему?

– У них же противогазы. Это Темные Сталкеры, мутанты из Зоны.

– Из какой Зоны? – еще больше удивился Кирилл.

– Вы что, «Сталкера» не читали? Они – мутанты, фанаты Черного Монолита. Они сюда попали через эти... через тоннели в пространстве – прямо из Зоны, из Чернобыля!

– Костя... – слабо начала мать.

Ручка входной двери задержалась, громко застучала.

Кирилл подался к женщине, вытянув руку, чтобы зажать ей рот, но не успел – она завизжала.

– Бежим! – Оттолкнув их в разные стороны, он бросился к балконной двери. Распахнув, выскочил наружу и глянул через ограду из литых чугунных столбиков.

Двор, аккуратные ряды кустов, асфальтовые дорожки, гаражи. Третий этаж – невысоко... Можно перелезть, схватившись за столбики ограждения, повиснуть, чуть раскачаться – и спрыгнуть на балкон второго этажа. Потом на первый, а дальше уже во двор.

Во входную дверь ударили, и снаружи донесся глухой голос. Что-то очень странное он говорил – вернее, странным казался сам язык. Половину слов Кир вроде бы узнавал, но другая была незнакомой, да и те, что знакомы, смешивались в такую кашу... Голос за дверью напугал его больше всего остального – от этой тарабарщины, включившей в себя, как он решил, сразу несколько земных языков вроде русского, английского, немецкого и кого-то не то итальянского, не то испанского, мороз шел по коже и подгибались ноги.

Дважды снаружи прозвучало нечто вроде «вархан» или «варханы», а потом новый удар сотряс дверь.

– Сюда идите! – позвал Кирилл, перебрасывая ногу через ограждение.

– Мама, наружу давай! – приказал Костя.

Мальчик показался на балконе, таща женщину за собой.

– Константин, я на нижний балкон спрыгну и там твою мама приму, а ты за ней лезь, понял?

– Хорошо, только вы ее крепко держите, чтоб не упала!

– Костя, я не полезу! – закричала женщина. Кирилл уже висел, раскачиваясь, недалеко под ним серел прямоугольник другого балкона. – Я не могу, Костя, прекрати!

– Мама, лезь!!

– Нет!!!

Донесся скрежет замка, в котором проворачивали что-то металлическое, а потом и стук двери, когда она, распахнувшись, жახнула ручкой по стене прихожей.

Женщина снова завизжала. Кирилл прыгнул, ударился о бетон ступнями и опрокинулся на задницу. В копчике хрустнуло, он вскрикнул от острой боли, но заставил себя подняться и заорал: «Вниз!», вытянув руки над головой.

Костя таки заставил мать перелезть, она повисла, сверху возникла голова мальчика, но он тут же с испуганным криком пропал из вида, а женщину рывком втянуло вверх, мелькнул подол юбки, ноги в туфлях с тонкими каблуками – и она исчезла вслед за сыном.

Кирилл полез через ограду. Вверху появились три темных головы, лиц он не разглядел, зато увидел ствол, блеснувший в отблесках пожара, льющихся с Красной площади.

Из ствола вниз ударила молния, врезалась в балкон. Он обрушился, следующий тоже, и Кирилл очутился на груде обломков на земле. Куски бетона и оплавленная арматура посыпались на него, Кир покатился в сторону. Оказавшись на земле, встал на четвереньки. Озаренная багровыми всполохами ночь качалась и гремела набатом. Кир поднялся, шатаясь, побрел вдоль стены, с каждым шагом двигаясь все быстрее. Побежал. Перепрыгнув через кусты, сообразил, что на плече его больше не висит сумка с ноутбуком. Сбившись с шага, упал. Наверное, это его спасло – протянувшийся с балкона алый разряд ударил в землю прямо перед ним, и Кира осыпало горячей землей. Снова поднявшись, он пробежал еще немного и нырнул за угол дома.

Кирилл не помнил, где оставил сумку – то ли положил ее на пол в подъезде, наблюдая за событиями у Кремля, то ли забыл на балконе, когда перелезал через перила. Он оглядел темную улицу. Фонари не горели. И реклама погасла, и вывески. Во тьме, наполнившей Москву, нарушаемой лишь отблесками пожаров да редким светом фар, слышались выстрелы, крики, шум моторов, стоны раненых...

И голоса, говорящие на чужом, пугающем языке.

Иногда в небе бесшумно проскальзывали огромные молнии, и призрачно-зеленый свет облизывал крыши домов. Кир побежал по краю улицы, готовый при любом намеке на опасность нырнуть в подъезд или во двор. Надо домой, за деньгами и документами, но главное – за рюкзаком, продуктами, за ножом, фонариком и за своей катаной. А после... Пироговское водохранилище ничем не хуже других направлений. Кирилл несколько раз там бывал и знал местность. Значит, он направится туда, чтобы выйти из-под купола.

Если выход есть.

Часть II

Выхода нет

Глава 6

Он часто представлял себе окружающий мир в виде кода, компьютерной игры, под текстурами которой скрыты сложные формулы. И сейчас там что-то нарушилось, пошло вразнос. Что-то в большой игре под названием «Москва» сбоило.

Глядя из окна на темную улицу, он хорошо это чувствовал. Слышались отзвуки далекой канонады – казалось, бои идут сразу в нескольких местах, со всех сторон, – вспышки зарниц высвечивали силуэты домов.

Фонари, реклама, вывески ночных заведений – все погасло. Изредка во тьме внизу Киру чудилось быстрое движение, словно там пробежал одинокий перепуганный прохожий, торопясь покинуть враждебную улицу. Иногда стены домов отражали эхо далеких криков.

Отвернувшись от окна, Кирилл шагнул к столу с компьютером и включил галогенный фонарик. Возле клавиатуры валялись обрывки бумаг, пробки из-под пивных бутылок, сломанные спички – он имел привычку их грызть во время работы – и цветные карандаши. Посреди всего этого красовалась пепельница, набитая окурками. Серебристую раму монитора облепили стикеры с наспех нацарапанными надписями. Присев на край кресла, он вдавил кнопку на системном блоке, вспомнил, что электричества нет, чертыхнулся и полез в ящик за вторым ноутбуком. Зевнув, широким движением руки сбросил со стола мусор. Отодвинул клавиатуру, поставил на ее место ноутбук, раскрыл и включил... Да только тот не включился – накрылся ноутбук, как и большинство более-менее сложных электронных приборов. Кирилл оттолкнул его, хмурясь. Встал и, освещая дорогу фонариком, направился в кладовку возле кухни.

Но по пути остановился, когда из-за входной двери донеслись шаги. Послушал пару секунд – и перевел дух. Нет, эти звучат совсем не так, как те, что они слышали с Костей и его мамой. Те казались опасными, а эти – торопливыми и напуганными.

Зазвучал женский голос, ему ответил мужской. Щелкнул замок, женщина заговорила громче: «Павел, я не хочу уезжать!» Мужчина ответил пренебрежительно: «Ну и сиди тут, сам поеду». Кир признал голоса соседей, молодой зажиточной пары. «Но ведь машина не завелась!» – уже громче, истеричнее сказала женщина. Теперь интонациями она напоминала маму Кости. «Разберемся» – прозвучало в ответ. Дверь в их квартиру захлопнулась, и дальше он не слышал.

Поставив фонарик на пол кладовки так, чтобы тот светил вверх, Кирилл присел на корточки возле полок и вытащил с нижней рюкзаки, который купил когда-то, собираясь отправиться в поход на Урал, куда так и не уехал: Артемий Лазаревич запретил, решив, наверное, что его хакер может не вернуться. Из кухни Кир притащил табуретку, положил на нее рюкзак и стал собираться.

Первым делом он достал испанский нож, тяжелый и солидный. Весил тот с полкило, имел черную алюминиевую рукоять, где прятались всякие полезные штуки: иглы, пинцет, рыболовный крючок с мотком лесы, пластинка-огниво, жидкость от комаров, карандаш, лезвие, зеркальце и резиновый жгут, который можно было использовать и при ранениях, и для рогатки – ее стальные «усы» выдвигались из торца рукояти. Был на ней еще оселок для заточки, а внутри пустое отделение для обеззараживающих таблеток. Назывался нож «Jungle King», Кирилл купил его вместе с рюкзаком и поначалу жутко им гордился, повсюду таскал с собой, рискуя нарваться на неприятности с полицией (хотя нож и был сертифицирован как разделоч-

ный, то есть не относился к боевому оружию), а после охладел и сунул на полку, где «Король Джунглей» с тех пор и лежал, позабытый хозяином.

Кир положил нож в боковой карман рюкзака и потер подбородок, скользя взглядом по полкам. Устал он, спать очень хочется, поэтому мозги плохо соображают. Захватив из неработающего холодильника жестянку с пивом, вернулся в комнату и сел в кресло.

Как плохо, что лэптоп не включается! Некоторые коллекционируют марки, пивные этикетки, спичечные коробки, автомобили, произведения искусств или любовниц, а Кирилл Мерсер собирал информацию. Любой сайт, который казался ему хоть чем-то полезным, сохранял в лэптопе, в папке под названием «Кубышка». В квартире его вечно царил беспорядок, вещи валялись не на своих местах, мебель была покрыта пылью, но во всех компах был идеальный порядок, и в «Кубышке» тоже все тщательно рассортировано по тематическим папкам. Сейчас бы очень пригодилась одна из них, озаглавленная: «Конец света/Выживание». Там хранилась инфа с сайтов вроде guns.ru, ufology.ru, world.en.cx...

Когда-то, во время мирового экономического кризиса, озаботившись проблемой выживания, Кирилл прочел много статей вроде «Вещи первой необходимости», «Малый справочник сталкера», «Как вести себя во время вторжения инопланетян» и «Как горожанину прожить за городом». Что там было полезного? Пытаясь вспомнить, он закурил, хлебнул пива... и тут за окном бабахнуло. Да так гулко, оглушающе, что весь дом дрогнул и стол затрясся. Едва не перевернув пиво, Кир вскочил и бросился к окну.

В здании напротив начался пожар – на последнем, девятом этаже. Газ там, что ли, рванул? Языки пламени вместе с дымом выплескивались из пролома на месте одного из окон.

На улице закричали, кто-то побежал, потом, жутко тарахтя, проехала колымага с одной тусклой фарой, но не дизельная тачанка чужаков, кажется, древний «москвич».

Когда Кир отвернулся от окна, взгляд его упал на темную, слегка изогнутую полоску на фоне светлых обоев. Он шагнул к стене, снял катану в ножнах и поспешил к шкафу. Положив катану на пол, стащил с себя джинсы, отыскал в шкафу купленные для путешествия на Урал черные брюки с кучей карманов, надел и опять пошел в кладовку, припоминая на ходу содержимое статьи «Вещи первой необходимости». В рюкзак отправились: две зажигалки, газовый и бензиновый баллончики к ним, моток веревки, два ножа – большой охотничий и маленький раскладной, – фонарь и пачка батареек, удачно завалявшаяся на верхней полке. Потом вместе с рюкзаком Кир отправился на кухню. Палка колбасы, три пачки печенья, тушенка, шпроты, сардины, упаковка крабовых палочек... Ее Кир вскрыл и тут же на месте четыре палочки слопал. Водой из-под крана он только мыл посуду, что случалось нечасто, а пить предпочитал пиво, газировку либо привозную воду из пластиковых бутылей. Одна такая, наполовину полная, стояла на холодильнике. Кир нашел за мусорным ведром три литровые бутылки из-под минералки и наполнил их. Закрутив потуже, сунул в рюкзак; на ходу допивая пиво, вернулся в комнату. Упаковал лэптоп – пусть тот сейчас не работает, но его же можно починить, наверное, – сверху положил несколько смен белья, четыре пары носков, рубашку, запасные штаны и полотенце. Хотел еще сунуть свитер – не влез. Эх, надо было большой рюкзак покупать!

С верхней полки шкафа он достал длинную брезентовую куртку, где карманов было даже больше, чем на штанах. Хорошая куртка, только теплая для такой погоды, ну да ладно. Хотя сейчас не так уж и тепло, из-за купола в городе стало заметно прохладней.

Пора идти? Ему смертельно хотелось спать, веки слипались, гудело в голове, и всякие странные образы – рожи в противогазах, горящие башни Кремля, дизельные тачанки и зеленые «галактики» – всплывали в полутьме вокруг, исчезали и появлялись снова. Вспомнив, что забыл погасить фонарик, Кирилл сходил в кладовку, выключил его и сунул в карман на бедре. Завернул в ванную, взял бритву с полки, достал из ящичка возле унитаза рулон туалетной бумаги. Заодно проверил кран – тот зафыркал, закашлял, вода не пошла. Рулон в рюкзак тоже не влез, пришлось отмотать кусок побольше, свернуть и сунуть в карман. Вспомнив

про лекарства, взять которые настоятельно советовала статья про вещи первой необходимости, он открыл аптечку над холодильником, выгреб все, что там было, замотал в пакет и кое-как запихнул в боковое отделение рюкзака, рядом с носками и бритвой.

Вернувшись в комнату, сел в кресло, положил ноги на рюкзак, снова закурил и достал мобильник. Тот, конечно, не включился. Кир нашел в шкафу старый, еще мамин будильник с ручным заводом, выставил время по наручным часам – хорошо, что они у него механические, – и перевел стрелку так, чтобы будильник зазвонил через сорок пять минут. Потом прикрыл глаза и вырубился.

...И проснулся не по звонку, а из-за того, что на улице закричали, а после там раздался глухой удар, будто что-то большое врезалось в стену. Кир вскочил, догоревшая до фильтра сигарета выскользнула из пальцев на пол. Он бросился к окну.

По улице мимо перевернутого ларька двигалось что-то большое, угловатое, издающее тяжелый гул. Кирилл протер глаза и прижался лбом к стеклу. На вершине этой штуки был стеклянный колпак, под которым клубился мертвенно-синий светящийся дым. Да что же это там такое ползет? Раскрыв окно, он высунулся и глянул вверх. Из-за купола звезды стали размытыми блеклыми пятнышками. Иногда в глубокой, давящей черноте над головой бесшумно проскальзывали зеленые молнии.

Навалившись животом на подоконник, Кир снова устался вниз. Гудение стало тише, синий колпак передвинулся к повороту улицы слева, и стал виден большой квадратный силуэт под ним. Позади ехала дизельная тачанка, фар у нее то ли не было, то ли они не работали, рядом шли несколько чужаков. Киру показалось, что снизу доносятся совсем тихие голоса, произносящие слова чужого языка.

Что бы там ни возглавляло процессию, вскоре оно скрылось за поворотом, а следом исчезла и тачанка с чужаками. Кирилл подождал еще немного, но больше никто не показывался, и он закрыл окно. И тут же звонко затарахтел стоящий на столе будильник. В тишине звук прозвучал так неожиданно и пронзительно, что Кир вздрогнул, перед глазами полыхнули яркие звездочки. Чертыхаясь, он выключил будильник. Тот показывал без пятнадцати четыре.

Кирилл взял катану в ножнах, просунул их под клапан рюкзака. Надел куртку, рассовал по карманам три пачки сигарет, найденные в столе, еще пару спрятал в рюкзаке, накиннул на плечи лямки рюкзака. Освещая путь фонариком, прошел на кухню, заглянул в кладовку, в ванную. Выпил воды из бутылки и направился в прихожую. Раскрыл дверь, но вышел не сразу, на пороге остановился и окинул взглядом квартиру.

Прощай, квартира! Почему-то у него было чувство, что в это место он больше не вернется. Вообще никогда.

Закрыв дверь, он поправил рюкзак, отвел руку назад, нащупал ножны катаны, закрепленные под клапаном так, чтобы рукоять торчала над левым плечом, сунул в зубы спичку и пошел вниз по темной лестнице. В левой руке его был фонарик, а в правой – нож.

* * *

Горело где-то справа, недалеко, и горело сильно – облако дрожащего багрового света висело над соседним кварталом.

Выплюнув спичку, Кирилл приостановился и втянул воздух ноздрями. Непривычный запах – вроде, карбид, а еще соляра, и какое-то масло и... сырая нефть, что ли? Хотя он понятия не имел, какой запах у сырой нефти.

Что может давать такой букет? Зажигательная смесь – вот что. Смесь, с помощью которой эти «варханы», или как там они себя называют, и устроили пожар. Кстати, если он пройдет еще метров сто и свернет, то напрямиком к пожару и выйдет. Только вот стоит ли?

На улице было тихо и пусто. Кир закурил, пряча огонек в ладони, и зашагал дальше, размышляя: могут эти парни в противогазах называть сами себя варханами или нет? Как тогда было... Они с мальчиком Костей и его мамой стояли в темной квартире, затаив дыхание, а с лестничной клетки доносились тихие-тихие звуки, и потом раздался глухой голос, который говорил на незнакомом – и в то же время знакомом, поэтому особенно пугающем – наречии. Голос этот сначала произнес нечто вроде «варханы», а потом «вархан» – и тут же входную дверь сотряс удар. Так, может, «вархан» значит что-то типа «бей»? Ломай, тарань, круши? Или это все же самоназвание захватчиков? Но как-то странно – вся фраза, стало быть, означала нечто вроде «Открыфай, бапка, фашисты пришли!» Ну то есть зачем им самих себя в обычном разговоре как-то называть?

Или нет, вдруг понял он, всё не так! На самом деле это слово для захватчиков может означать не фашисты или там русские, а, скорее, братья или люди... Пиплы, то есть. Граждане, товарищи, господа. Естественное обращение к одному или к группе, то есть фраза могла переводиться примерно как «Братва, а ну-ка раздолбаем дверь!»

Сделав еще несколько шагов, Кир остановился. Из-за поворота, заглушая гудение пламени, донесся шум мотора.

Кирилл швырнул сигарету, растоптал, лихорадочно оглядываясь, и кинулся назад, к свету между магазином и жилым домом. Но добежать не успел.

На передке выкатившей из-за угла тачанки тускло горела круглая выпуклая фара, она часто помаргивала, пригасала и снова разгоралась. Когда тачанка поворачивала, луч неприятного бледно-желтого света веером скользнул над улицей, выхватывая из темноты стены домов.

У бордюра напротив прохода между домами стояла урна, и Кирилл не нашел ничего лучше, как упасть позади нее. Рукоять катаны брякнула об урну, он немного отполз назад и замер, касаясь пальцами кармана, в котором лежал «Король Джунглей».

Тачанка медленно приближалась. Сколько в ней варханов, Кир из-за своего укрытия разглядеть не мог, но в желтом свете фары видел, что перед машиной бегут две пары существ с вытянутыми мордами и уродливыми наростами на поросших темной щетиной спинах. Твари, похожие на горбатых гиен, были пристегнуты к передку тачанки длинными ремнями.

Когда они поравнялись с урной, Кир затаил дыхание. Раздалось фыркание, громкое сопение, потом одно существо громко затывало.

С тачанки донесся гортанный окрик, что-то заскрипело, и машина встала.

Вскочив, Кир бросился назад, в проход, позабыв про оружие в кармане куртки, пытаясь вытащить из ножен катану.

Он не знал, что происходило сзади, но вскоре послышался мягкий стук лап по асфальту.

Пожар бушевал где-то впереди, двор был озарен отблесками пламени. Стоянка, деревья, скамейки, детская площадка... Подбегая к «горке», Кирилл услышал злобное фыркание совсем близко и спинным мозгом ощутил: сейчас на него прыгнут. Катана была в правой руке. Кир взлетел по ступенькам, едва не завалившись назад из-за веса рюкзака, на вершине «горки» присел и развернулся, обеими руками сжимая катану перед собой.

Гибкое тело прыгнуло на него снизу. Он рубанул – наискось, сверху вниз перечеркнул клинком узкую морду. Что-то хрустнуло, чавкнуло... «Гиена» врезалась ему в грудь. Кир успел разглядеть еще трех – они как раз вбежали на площадку – и полетел спиной назад, задрал ноги. Тварь осталась где-то вверху, а он скатился с «горки» и въехал головой в небольшую кучу песка под ней.

Плюясь, Кирилл перевернулся и вскочил. Увидев меч у своих ног, подхватил его, бросился дальше. Три твари обежали «горку», а по ней, злобно твякая и приседая на задние лапы, съехала четвертая.

Впереди была двухметровая железная ограда. Кир с разбегу прыгнул, подтянулся и уселся верхом.

Твари засновали внизу, подпрыгивая, когти клацали по металлу, глаза светились желтым. Он сунул катану в ножны. С другой стороны был двор, небольшие постройки и светло-бежевая трехэтажная стена за ними... Торговый центр, сообразил он. Вернее, торгово-развлекательный, кажется, он даже бывал здесь. «Аладдин», что ли? Или «Сим-Сим»?

Запах горючей смеси стал острее – пожар бушевал на улице прямо за торговым центром, хотя с этой стороны было пусто и тихо.

Двор с детской площадкой озарил свет фары – в него между домами въезжала тачанка. «Гиены» побежали к ней, когда один из сидящих в машине варханов окликнул их. Прищурившись, Кирилл разглядел силуэт, который выпрямился на задней части машины. Вархан поднял оружие с длинным стволом. Кир перекинул через ограду вторую ногу и спрыгнул.

Пригибаясь, он перебежал двор. Слева была почти пустая стоянка – только большой междугородний автобус на ней, и всё. Туда Кирилл повернуть не рискнул, потому что в той стороне было гораздо светлее, гудящее на улице за торговым центром пламя озаряло расчерченный асфальтовый прямоугольник, иногда длинные тени перечерчивали его. Варханы ходили где-то за углом комплекса, хотя отсюда Кирилл не видел их, но был уверен, что это тени захватчиков, а не москвичей – очень уж неторопливо, уверенно, по-хозяйски они двигались.

Кир пересек двор и залез на выступающую далеко из стены здания одноэтажную пристройку. Глянул назад – в метре над крышей пристройки в стене торгового центра темнело приоткрытое окошко.

Снизу снова донеслись голоса, потом звук приближающихся шагов, а за ним – тихий шорох прямо под той стеной, где было окно с решеткой.

Проваливаясь локтями в изгибы шифера, Кир развернулся на спину, упершись в крышу рюкзаком. Подошвами ткнул в стекло, открыл окно шире, сунул внутрь ноги, потом залез целиком, цепляя ножами за раму.

В темноте он едва разглядел узкую лестницу. Спрыгнув на ступени, закрыл окно, повернул шпингалет и на корточках поспешил вниз, но сразу остановился – где-то там раскрылась дверь, на лестнице зазвучали гортанные голоса.

Он стал подниматься. Миновав три пролета, вытащил из кармана фонарик, но не включил – замер, вслушиваясь.

В здании были люди. Нет, громкие звуки не раздавались, но Кирилл ощутил: здесь полно *своих*. Он не слышал, а скорее чувствовал их дыхание, тихие-тихие шорохи, испуганный шепот...

Несколько раз глубоко вдохнув и медленно выдохнув, Кирилл достал нож, сжал его в правой руке, а левой включил фонарик.

Луч озарил неширокую лестницу, бетонную площадку и дверь, ведущую, насколько он мог сообразить, на верхний, третий этаж здания.

Шум в нижней части лестницы стих, но Кирилл не рискнул спускаться. Он уперся в дверь рукой с ножом, погасил фонарик и толкнул ее.

Дверь тихо скрипнула, открываясь.

За ней было довольно светло – багровые отблески лились сквозь большие, вполстены, окна.

Пригибаясь, Кир сделал несколько шагов вдоль длинной стойки со стеклянными окошками и надписями «КАССЫ». Выше висели рекламные плакаты всяких фильмов. Окна фасадной стены торгового комплекса были впереди, слева – бар, за ним дверь с табличкой. «Зал № 3», прочел Кир.

Гудение пламени стало громче. Не опуская нож, он подошел к ближайшему окну.

Посреди большого перекрестка, возле которого стоял торговый центр, горели машины. Их там было штук пятнадцать, не меньше – легковушки, джипы и даже пара микроавтобусов... Как их туда стащили? Если предположить, что все это – вышедшие из строя тачки, то их при-

шло катить вручную. И зачем, чтобы устроить эту иллюминацию? Или просто из страсти к разрушению?

Машины облили какой-то смесью, а после подожгли. Они плевали желтыми искрами, иногда в грудах почерневшего металла что-то взрывалось, выстреливало сгустками огня. Вокруг стояли не меньше десятка тачанок, три были накрыты железными колпаками с прорезями – такие броневики Кирилл уже видел на Красной площади.

С улицы на другую сторону перекрестка выехала вереница горбатых животных, на каждом, поблескивая оружием в свете пламени, сидели по двое-трое варханов. Чтобы не маячить в окне, Кирилл опустился на колени и навалился грудью на низкий подоконник, упершись в стекло лбом.

Под стеной торгового центра вырос шатер из шкур, вход в него охраняли двое варханов. Из круглого отверстия в центре шатра выступала большая проволочная рама, над ней торчали два длинных «уса». На глазах Кира между ними проскочила молния, но не зеленая, как те, что иногда посверкивали в небе, а желтая и какая-то влажно-жирная с виду. Он привстал, чтобы лучше видеть. Сквозь отверстие взгляду открывалась часть пространства внутри шатра, озаренного синеватым светом, который лился от колпака из мутного стекла, стоящего прямо на асфальте. Рядом виднелся металлический куб, над которым склонился вархан, облаченный в меховой плащ и шапку. Деталей Кирилл с такого расстояния и под таким углом разглядеть не мог, но ему показалось, что торчащая из отверстия рама соединена с кубом жгутом проводов. Вархан (Кир почему-то обозвал его про себя шаманом) поворачивал какие-то рукоятки на устройстве.

Над шатром вновь блеснула желтая молния, снизу долетел приглушенный треск. Шаман выпрямился, снял шапку и принялся стаскивать противогаз. Кирилл уставился во все глаза. Избавившись от маски, шаман снова надел шапку, после чего ушел из поля зрения. Откинулась закрывающая вход шкура, и он шагнул наружу. Охранники повернулись к нему, шаман помедлил – наверное, говорил им что-то – и вернулся. Через круглое отверстие Кирилл его больше не увидел, зато разглядел, как охранники стягивают свои маски. Один так и остался охранять шатер, а второй пошел через площадь, распространяя весть о том, что от противогазов можно избавиться...

У них есть наука. Может, не совсем наука в современном понимании, наверное, она больше сродни алхимии – во всяком случае, с виду как-то похоже – но, так или иначе, захватчики проанализировали местную атмосферу и определили, что она для них не опасна.

Из боковой улицы показались идущие вереницей люди – руки у всех связаны, их соединял длинный ремень, задний и передний концы его были приторочены к двум медленно едущим тачанкам. В каждой сидели по трое варханов, и еще шестеро шли рядом, положив на плечи ружья. Пленные тяжело переставляли ноги, некоторые шатались. Сквозь гудение пламени и треск искр донеслось шарканье подошв по асфальту. Вереница миновала перекресток и скрылась на другой улице вместе с тачанками и охранниками.

Кирилл выпрямился, проводив их взглядом. Ночь подходила к концу, небо светлело. Приехавшие на горбатых животных варханы спешивались, снимали поклажу. Некоторые начали разворачивать шкуры – кажется, собрались ставить шатры. Откуда-то появились темные щиты с подставками, которые Кир уже видел на Красной площади, их принялись расставлять вокруг лагеря. Теперь он смог разглядеть, что щиты сделаны из кожи. Машины посреди перекрестка догорали, немилосердно чадя шинами. Шаман в круглом отверстии больше не показывался, желтая молния не проскакивала.

Попытившись от окна, Кирилл повернулся и крадучись направился в сторону касс. Свернув за них, увидел эскалатор впереди, подошел к нему.

Эскалатор, конечно, не работал. Кир спустился на второй этаж, целиком занятый разнообразными магазинами, нашел следующий эскалатор и встал на верхней ступеньке.

Почти весь первый этаж занимали два больших помещения, разделенные высокой перегородкой, упирающейся в эскалатор снизу – поэтому Кир смог окинуть взглядом оба. Слева от него был японский ресторан, а справа – большой зал, над дверями которого висела вывеска:

ВЫСТАВКА-ПРОДАЖА BMW

По всему залу, на помостах и просто на полу, окруженные узорчатыми оградками, стояли автомобили и мотоциклы.

Кирилл присел, поверх поручня осторожно разглядывая ресторан. Столики и столы были свалены в кучу под стеной, посреди зала сидели люди. Человек тридцать-сорок, не меньше – мужчины, женщины, дети... Кто-то плакал, кто-то причитал, лежащий навзничь человек, чья голова была обмотана полотенцем, монотонно стонал.

На стойке, свесив ноги, лицом к залу сидели трое вооруженных варханов, еще трое стояли у стены напротив и двое – под ведущей на улицу дверью. Насколько Кир мог сообразить, прямо за ней был меховой шатер.

Дверь в зал раскрылась. Внутри просунулась голова без противогаза и что-то сказала. Охранники зашевелились, обмениваясь короткими репликами, принялись стягивать маски, сворачивать и класть в сумки на поясах.

Кирилл передвинулся на другую сторону эскалатора, чтобы получше разглядеть второе помещение. Посреди него на круглом помосте красовался черный квадроцикл: большие ребристые колеса, рулевая вилка, решетчатый багажник, широкое длинное сиденье для двоих... Позади машины был стенд, на нем красочный рисунок: мужественный блондин и девушка, обхватившая его за поясницу, мчатся по живописному бездорожью. Под рисунком было написано «ГОРЕЦ-7», а над ним – «ТЕСТ-ДРАЙВ».

Снизу доносились тихие причитания, плач, стоны, иногда – скупые реплики варханов. Зато на стороне выставки-продажи стояла тишина. Поправив рюкзак, Кирилл принялся спускаться на корточках, неловко переваливаясь с одной ступеньки на другую, придерживаясь за поручни и тихо пыхтя.

Что там, в этих квадрах? – размышлял он по дороге. Много электроники, заведется он или нет? Охлаждение двигателя там воздушное, коробка передач механическая, простенькая... Во всяком случае, Кир очень на это надеялся – автомат-то мог и не сработать.

Если заведется, и если в баке есть горючка... Из зала два выхода: центральный, ведущий на перекресток, где разбили лагерь варханы, и боковой – широкие стеклянные двери, за которыми в рассветных сумерках виднеется асфальтированная дорожка, круто изгибающаяся в сторону от перекрестка. По ней можно свалить отсюда. Судя по тому, на что он успел посмотреть ночью, пробираться через захваченную Москву пешком – долго и опасно. А вот проехать ее на этом «горце»... Ну то есть, конечно, тоже опасно, может даже еще опаснее, но, с другой стороны, и гораздо быстрее. Он сможет покинуть город меньше чем за час. Ведь это было бы круто – на ревущем квадроцикле, потрясая катаной, вылететь из-под носа у целого лагеря варханов и раствориться на утренних московских улицах.

Преодолев эскалатор, он на четвереньках обогнул несколько автомобилей, парочку сияющих хромом мотоциклов и круглый помост с квадроциклом. На полу разглядел грязные следы с тупой, будто срезанной передней частью, и решил, что их оставили здесь ноги варханов.

Кир добрался до ведущих наружу стеклянных дверей, толкнул – они легко, без скрипа, открылись. Широко распахнув их, вернулся к помосту, залез на него и присел у покатоного черного борта. Светало, с перекрестка доносился шум шагов, мычание рогатых животных, голоса и гул двигателей. Хлопали на ветру шкуры, постреливали искрами догорающие авто. Пахло гарью, паленой резиной и навозом. А в ресторане было тихо. Варханы совсем рядом, за перегородкой, стоит им услышать шум, как они ворвутся сюда и расстреляют его из своих ружей...

Попятившись на четвереньках, Кирилл стащил со спины рюкзак, положил на решетчатый багажник квадра и кое-как пристегнул ремнем. Снова проковылял вперед, подняв руки, схватился за рулевую вилку – и приготовился вскочить, чтобы, прыгнув в седло машины, с ходу завести ее и вылететь наружу.

Глава 7

Первое, что услышал Игорь Сотник, было сопение, а первое, что ощутил, – холод. Несколько секунд он лежал, прислушиваясь и пытаясь вспомнить, что происходило недавно. Зеленая световая волна... авария... люди в противогазах, дизельные тачанки и алые молнии... гонка на мотоцикле, мост, канал... Дядя Миша, вставшая «тойота», автобус, Тоня...

Тоня!

Он сел. Тоня! Она утонула!

Или нет? Игорь тогда прыгнул... прыгнул... Да, прыгнул с моста и ударился о борт автобуса, а после все потемнело, и последнее, что осталось в памяти, – плеск воды и холод.

Издалека доносилась приглушенная канонада. Под Игорем был плащ, который он забрал из кабины автозака. Влажный, воротник почти оторван. А где автомат? Нет его... Сотник огляделся. Он находился под задней стеной полуразваленной кирпичной будки. В стене был пролом, за ним в будке горел костерок. Небо темно-серое, сумрачно – то ли раннее утро, то ли поздний вечер.

У пролома, спиной к костру, сидел, поджав ноги, мальчик в спортивных штанах и клетчатой рубашке явно не по росту – сидел и монотонно раскачивался взад-вперед, тихо посапывая. Коротенький ежик пепельных волос, лицо круглое и какое-то... недоброе, что ли. Из закатанных рукавов торчали грязные тощие запястья.

Когда Игорь повернулся к нему, мальчишка не перестал ни сопеть, ни раскачиваться.

– Ты кто? – спросил Сотник.

Ребенок извлек из-под рубашки большую ржавую флягу и протянул ему.

– Пить будешь, дядька? Батя после несознанки всегда пить требовал.

Игорь взял флягу, открыл, понюхал и сделал несколько глотков теплой воды. Он никогда не умел вести себя с детьми, не знал, как к ним обращаться, как заводить приятельские отношения, да и вообще – о чем с ними говорить. Рядом с ними Сотник чувствовал себя слишком большим, неловким, угловатым, грубым... Педагогика не была его жизненным призванием.

– Как тебя зовут? – спросил он, закрывая флягу.

– Хорь.

– Что? – удивился Игорь. – Почему Хорь?

Мальчик передернул плечами.

– Батя так называл.

Будка стояла на краю редколесья, рядом из земли торчал угол бетонной плиты, поросший мхом. Игорь поднялся на колени, похлопал по карманам – пистолета тоже нет. Он снова повернулся к Хорю.

– Где мы? Как я сюда попал?

Мальчишка махнул рукой влево, откуда доносился едва слышный плеск волн:

– Ты по реке плыл. Такой... дохлый.

– Дохлый? – переспросил Сотник.

– В корягу вцепился, глаза закрыты. К берегу поднесло, я вытащил. Еле руки твои разжал, как деревянные. Сюда притащил, положил...

– Как же ты меня дотащить смог? Не ври!

– Не вру! – вспыхнул мальчишка. – Сам ты... Я сильный!

– А я – тяжелый.

– Тяжеленный, ага, – серьезно кивнул ребенок. – Кабан такой. Я тебя волоком, так потихоньку, по полметра...

– До канала вон сколько, – Сотник все же сомневался, что мальчик мог вытащить его в одиночку.

– А покатило, как бревно, – пояснил Хорек. – Потом послушал: сердце бьется. С виду – мертвяк, а бьется. У бати тоже так раз было, как перепил на юбилей на заводе, пришел, брык – и вроде мертвяк! Я соседку позвал, поглядела, кричать стала: умер, умер! А я послушал – бьется сердце. У тебя лицо такое же было, как у бати тогда.

– А где батя твой?

– Так рылы убили.

– Рылы? Это еще кто... – тут он понял: так это замызганное создание именует чужаков в противогазах.

– Эти, с мордами резиновыми! – в голосе ребенка прорезалась такая придушенная, не находящая выхода ненависть, что Сотник удивленно пригляделся к нему.

Мальчишка, подавшись вперед, сжимал грязные кулаки и щерился. Зубы у него были необычные, редкие и немного суженные к концам, отчего казались острыми. Он вдруг напугал Игоря маленького злого хорька. Значит, Хорь? Любящий, наверное, был у него родитель, раз родного сына так прозвал.

– А может, и не убили его! – просипел Хорек. – Забрали только! Батя с кирпичики пришел, со второй смены. На улице кричат, бегают! Мы вышли, я и он... А там эта... телега, как у бабки нашей в деревне, но с мотором. И на ней рылы. Стреляют...

Хорек ссутулился, кулаки разжались. Уставившись в землю, мальчик добавил сумрачно:

– Рылы бату схватили и в телегу бросили. Двое за мной побежали, я от них... Спрятался. Теперь здесь.

Игорь слышал его как сквозь вату, и самого Хорька он сейчас видел смутно – перед глазами стояло лицо Тони. Утонула! Она утонула! – мысль билась в голове, как рыба в сетях. А может, все-таки нет? Что, если нет? Она же хорошо плавает... Что делать? Надо вернуться к мосту, осмотреть все вокруг! Как далеко от него мальчишка выловил Сотника? Сколько, в конце концов, времени прошло?!

– Сколько я здесь лежу? – спросил он, поднимаясь на ноги. – Сейчас вообще вечер или...

– Утро щас, – сказал мальчик. – Ты ночь целую...

– Что?!

Сотник качнулся к нему – Хорек отпрянул, в его руке возник знакомый ПМ.

Несколько раз глубоко вдохнув и выдохнув, Игорь сказал – Он в реке был. Его теперь надо разобрать, просушить и смазать.

– А может, и так выстрелит? – спросил Хорек.

– Может, и выстрелит. Отдай мне.

Он шагнул вперед, протягивая руку, и мальчишка сорвался с места. Вскочив, запрыгнул в пролом, оттолкнулся – и вдруг каким-то чудом оказался на крыше будки.

– Не-е, дядька, – сипло сказал он, покачивая оружием. – Пистолет я тебе не отдам.

– Меня зовут Игорь. Игорь Сотник. Ты знаешь, далеко отсюда мост? Я свалился с моста через канал, мне надо туда. Ночь! Я что, целую ночь провалялся?! – Он до сих пор не мог поверить в это. – Уже светает... Где мост, говори!

– Там вечером взорвалось что-то, – отвечивал Хорек, не слезая с будки.

– В какой стороне?

– Да в той, где мост твой.

– Куда идти?

Мальчик поразмыслил, глянул на светлеющее небо. В роще застрекотала птица, ей ответила другая. Зашелестела листва в порыве зябкого утреннего ветерка.

– Страшно днем ходить, – сказал он. – Рылы вокруг. Ночью можно, днем не надо. Слышь, Сотник, давай лучше в будку эту. Пересидим день, а вечером...

– Там моя жена, – перебил Игорь. – Автобус упал с моста, она в нем была, понимаешь? Я следом прыгнул, но ударился сильно. Мне к мосту надо, найти ее!

Игорь говорил это и понимал: никого он не найдет. Тони больше нет, как и дяди Миши с Леной, автобус вместе с пассажирами лежит на дне канала, и внутри него...

Лицо жены встало перед глазами так ясно, что он зажмурился, схватившись за голову, опустил на корточки и замер. Некоторое время было тихо, потом в глухой, наполненный мрачной тоской мирок, которым стало сознание Игоря, проник стук, шелест травы, тихое сопение...

На плечо ему легла ладонь.

– Ну ладно, дядька, – произнес Хорек над ухом. – Сотник, слышь? Ну, эй!

Мальчишка схватил его за руки, потянул, отнимая их от глаз. Игорь поднял голову – Хорь стоял перед ним.

– Давай отведу тебя к мосту. Он близко, только ты все равно тихо, ладно? Ну, давай, вставай.

Когда Сотник выпрямился, острозубый мальчишка ухватил его за руку и потащил через рошу, где все громче звучали птичьи голоса, в сторону, откуда доносился плеск воды.

* * *

Мост был взорван – лишь огрызки свай торчали из воды.

– Дядька, эй... – начал Хорек, но Сотник не слушал. Скинув туфли и раздевшись, он бросился в воду.

Он нырял, пока перед глазами не поползли огненные точки и сердце не начало биться гулко, быстро и тяжело – но так и не смог добраться до ушедшего на дно автобуса, хотя бы коснуться его. Игорь выбрался наружу, уселся на землю и уставился перед собой остановившимся взглядом. Все было кончено. Прежняя жизнь ухнула под откос, еще когда его забрали в предвариловку, а теперь... теперь исчезло последнее, что связывало Сотника с прошлым. Тоня. Она была единственным близким ему человеком.

А может, жена выплыла? Она ведь учитель физкультуры, у нее даже разряд по плаванию какой-то...

Игорь окинул взглядом быстро бегущую воду. Не ври самому себе – ее больше нет.

Хорек опустил на корточки рядом.

– Ну что? – спросил он жалостливо. – Что дальше делать будем?

Ответом ему были звуки выстрелов, донесшиеся из-за роши.

Хорек обернулся, Игорь вскочил.

– Что там? Похоже на...

Мальчик охнул:

– Рылы! У них батя мой! – он рванул к роще.

– Стой! – крикнул Сотник, хватая брюки. – Погоди!

Размахивая пистолетом, Хорек бежал прочь. Сотник запрыгал на одной ноге, потеряв равновесие, упал, наконец, натянул брюки и схватился за рубашку. Когда он поднял плащ, Хорек уже исчез между деревьями.

Солнце взошло – сквозь купол оно светило не так ярко, как вчера. Светло-зеленое стеклянное небо раскинулось над Москвой во всей своей пугающей красе. Иногда по нему пробежала рябь, часто купол прочерчивали изумрудные молнии, распадалась на короткие отростки, которые дождем сыпались вниз и таяли.

В роще всюду щебетали птицы. Миновав ее, Игорь ничком упал на землю позади валявшейся в траве автомобильной шины.

Вдалеке виднелись серые пятиэтажки какого-то спального окраинного района, из-за крыш торчала труба – может, той самой кирпички, где трудился родитель Хорька. А за рощей, прямо на берегу канала, который, как оказалось, полого огибал ее, была небольшая свалка. Там

треугольником стояли проржавевшие контейнеры, доверху забитые всякой гадостью, – один у рощи, другой подальше, последний примерно между ними, но ближе к каналу. Рванные пакеты, бумага, ветошь, мокрый картон и гниющие доски пестрым ковром накрыли землю. У дальнего контейнера не было бортика, но слежавшийся мусор не высыпался наружу, образовав ровную стену.

В этом месте чужакам и устроили засаду.

Игорь увидел крупное животное с тремя горбами и кривыми толстыми рогами, сидящего между горбами чужака, а за ним – второго, не то мертвого, не то бесчувственного, пристегнутого к заднему горбу ремнем. Впереди ехала пара дизельных тачанок, в первой маячили три силуэта, во второй два. Разъезд, или патруль, или как еще назвать эту мобильную бригаду, двигался мимо свалки, когда на него напали трое, спрятавшиеся за контейнерами.

Их выстрелы повредили колесо передней машины. На глазах Игоря тачанка свернула – и въехала напрямик в стоящий дальше других контейнер, тот самый, без бортика.

Со своей позиции он мог наблюдать и за чужаками, и за теми, кто атаковал их. У двоих в форме полицейского патруля были пистолеты, молодой здоровяк в камуфляжных штанах и черной майке держал кусок ржавой трубы. Один патрульный стрелял молча, другой хрипло вопил, раз за разом посылая пули в бок рогатого животного, которое вроде бы и не замечало этого.

Когда тачанка въехала в дальний контейнер, тот дрогнул, и стена мусора обрушилась – прямо на великана с трубой. В этой тачанке были трое чужаков (Игорь понял вдруг – теперь они без противогазов!), и водитель с ходу прыгнул на контейнер, откуда нырнул в засыпавший здоровяка мусор. Остальные, соскочив на землю, тоже бросились в бой. Грохнул выстрел, блеснуло пламя.

Прятавшийся ближе к роще полицейский, выскочив из-за укрытия, выпустил последнюю пулю в лицо чужака, который сидел на передке второй тачанки. Двигался патрульный как-то не очень ловко, спотыкался и пошатывался... Да он пьяный, сообразил Сотник.

Водитель тачанки откинулся, затем повалился вперед, сдвинув телом рычаг и на что-то нажав. Машина резко увеличила скорость, сворачивая к каналу по крутой дуге, и чужак позади убитого водителя полез через него, чтобы добраться до управления. Патрульный с криком отпрянул, ноги заплелись, он упал. Тачанка переехала его и пронеслась между контейнерами, разбрасывая колесами мусор.

Когда она мчалась мимо, второй патрульный, пригнувшийся за тем контейнером, что находился ближе к каналу, выстрелил и попал в бок чужака, пытавшегося остановить машину. Взметнув фонтан воды, она въехала в канал. Задымилась, потом вода накрыла ее, и тачанка встала. Над поверхностью торчал лишь рулевой рычаг да край заднего бортика, в грязной мути расплывалось пятно крови.

Патрульный рванулся к рогатому животному.

У того чужака, что был пристегнут к заднему горбу, голова свесилась на грудь, а руки безвольно покачивались – судя по всему, он был мертв, и в седле его удерживали лишь ремни крест-накрест. Животное остановилось; сидящий впереди нагнулся вбок, вцепился патрульному в плечо и занес нож с извилистым лезвием. Полицейский схватил его за кисть, молотя стволом пистолета по ребрам, стараясь отвести руку противника в сторону, а тот, нависая сверху, пытался сломить сопротивление. Дальше, возле контейнера без одного бортика, происходило что-то непонятное, там клочьями взлетал мусор, там громогласно матерились, рычали и орали...

Патрульный закричал, рука с ножом медленно пошла вниз. Вскочив, Сотник бросился к ним. На ходу нагнувшись, выхватил из мусора остатки настольной лампы: тяжелую железную подставку с изогнутым штырем, на конце которого болтался «патрон». Перехватив лампу за штырь, Игорь занес ее над головой.

Когда он подскочил ближе, нож впился в грудь полицейского. Чужак повернул голову, и Сотник что было сил врезал подставкой по узкому серому лицу.

Штырь сломался. Чужак отпрянул, оставив нож в груди упавшего на спину патрульного, и, чтобы не свалиться, схватился за горб животного, которое замычало и медленно зашагало прочь. Удар рассек лоб прямо над бровью, густая темная кровь залила глаз, скулу.

Только сейчас Игорь разглядел кожаный колпак, надетый на передний горб. На колпаке был патронташ, какие-то инструменты, лопатка, фляга, ножны и чехол, в котором находилось большое, с длинным стволом электроружье. Все это крепилось сложной системой ремней – и, кажется, в неподходящий момент пара их перепуталась, из-за чего всадник, не сумев быстро достать оружие, был вынужден действовать ножом.

Высвободив ногу из стремени, чужак соскочил на землю. Нагнулся, протягивая руку к груди патрульного, но Сотник не позволил схватиться за нож – сдавил широкими ладонями голову противника и рванул.

Чужак зашипел, нагнул голову к плечу и вырвался из хватки. Это было невероятно, немыслимо – такая змеиная гибкость, шейные позвонки должны были превратиться в кашу, но они выдержали. Присев у ног Игоря, боком к нему и спиной к животному, противник схватился за нож.

У дальнего контейнера что-то выкрикнули на незнакомом языке, раздались выстрелы.

Сотник с громким выдохом опустил кулак и, словно молотом по наковальне, врезал чужаку по темени. Тот гортанно выругался, то есть прокричал нечто вроде: «Бака кров!», выдернул из тела патрульного нож и не глядя полоснул им. Извилистое лезвие вспороло штанину. Игорь схватился за электроружье, провернул его вместе с чехлом, скрипнув ремнями, нащупал под мягкой кожей спусковой крючок и вдавил.

В первую секунду ничего не произошло. Чужак начал выпрямляться, занося нож для второго удара, и тут ружье выстрелило. Ствол торчал из отверстия на конце чехла – оттуда ударила прямой тонкая молния, пробила тело чужака. Пыхнуло жаром. Через мокрые туфли Игоря ударило током – дернуло так, что он с криком подскочил. Молния погасла, чужак повалился лицом вперед.

Рогатое животное шло прочь, скорбно мыча. Игорь шагнул за ним, попытался выдрать оружие из чехла, но ничего не вышло – мешали перепутавшиеся ремешки. Прыгнув назад, он подхватил извилистый нож и бросился к третьему контейнеру.

Впрочем, там его помощь уже не была нужна. Когда Сотник подбежал, молодой здоровяк в пятнистых брюках и порванной черной майке стоял над двумя неподвижными телами, сжимая кусок железной трубы. Третий чужак лежал ничком, раскинув руки, в паре метров от контейнера, и сзади к нему, подняв ПМ, мелкими шажками приближался Хорек. Он был еще грязнее, чем раньше, к щеке прилипла луковая шелуха, штаны мокрые – наверное, добежав до свалки и увидев, что происходит, мальчишка упал и пополз вдоль ее края, по самому берегу канала. Глаза Хорька были дикими, бисеринки пота блестели на лбу, палец раз за разом вдавливал спуск, но разряженный пистолет лишь тихо клацал.

Великан дернулся, завидев Игоря, присел и выхватил из руки мертвеца пистолет необычной формы.

– Не стрелять! – гаркнул Сотник, подбегая.

До парня доходило туго – он прицелился, но тут подскочивший сбоку Хорек, бросив ПМ, вцепился в толстую как бревно волосатую ручищу своими острыми зубами и чуть ли не повис на ней. Здоровяк взвыл. Сотник ударил его по руке, выбив пистолет, крикнул:

– Отставить! Я свой!

– Да отцепись ты! – заорал парень и потряхнул рукой. Взвизгнув, будто волчонок, из пасти которого вырвали кусок мяса, Хорек отлетел и покатился по мусору. Вскочил. Пригибаясь, вытянув перед собой руки со скрюченными пальцами и скаля зубы, он с тихим сопением пошел

на парня. Глаза Хорька сверкали злобным огнем. Кажется, его совершенно не волновало, что противник может одним щелбаном снести ему голову с плеч.

– Во! – тот покрутил пальцем у виска. – Совсем псих малой!

– Хорек... Хорь, отставить! – приказал Сотник. – Всем успокоиться! Ну!

За контейнером рокотала двигателем остановившаяся тачанка. Мальчишка, сделав еще пару шагов, опустил руки.

– Ты чего на меня бросился? – спросил у Хорька здоровяк, и Сотник ощутил идущий от него перегар.

– А чего ты в Сотника стреляешь?

– В кого? Какого еще...

– В дядьку этого!

– Так, они все мертвы? – Игорь наклонился над лежащим ближе «серым». У того была разбита грудь и голова – явно не обошлось без трубы в руках здоровяка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.